

Врачебные [секреты]

Юлия Алейникова

ДО ПОСЛЕДНЕГО
УДАРА СЕРДЦА

Юлия Алейникова
До последнего удара сердца
Серия «Врачебные секреты»

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7386237
Юлия Алейникова. До последнего удара сердца: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-73175-6

Аннотация

К известной тележурналистке Евгении Потаповой обращаются за помощью родители арестованной по обвинению в убийстве своего мужа Марины Кольцовой. Все, считая ее адвоката, уверены: убийца она. Женя загорается идеей доказать невиновность девушки. Со свойственной ей энергией она берется за дело. Оказывается, покойный Сергей был весьма влиятельным и состоятельным человеком. Владелец собственной клиники пластической хирургии, генеральный директор и совладелец крупного фармацевтического концерна. Из близких родственников, кроме жены, у него осталась лишь единственная тетушка, которая все никак не могла оправиться после смерти мужа и сына. Парень умер в московской больнице во время операции по пересадке почки, и Женя уверена, что эта смерть напрямую связана с убийством бизнесмена Кольцова...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Юлия Алейникова

До последнего удара сердца

Глава 1

Это произошло случайно. Илья в тот день возвращался с тренировки и увидел в дверях соседской квартиры торчащую из замка связку ключей. Илья ключи вынул, позвонил в дверь, никто не вышел, тогда он приоткрыл ее, заглянул в прихожую и погромче окликнул хозяев. Из глубины квартиры доносился плач. Громкий и горький.

Илья нерешительно потоптался возле двери, но потом все же скинул кроссовки и побрел в комнату. На диване, скрючившись и подогнув под себя ноги, сидела хозяйка квартиры Марина и безутешно рыдала. Видимо, она недавно вернулась с работы и еще не успела переодеться. Ее белая рабочая блузка валялась на полу возле дивана, а сама она сидела в юбке и бюстгальтере, босая, и плакала.

Илья женских слез не выносил. Жил он большую часть сознательной жизни с мамой и бабушкой. Никто в их квартире не скандалил и не ревел. Но в детстве, когда родители еще не развелись, отец часто обижал маму, и та плакала, и Илья, совсем еще маленький мальчик, запомнил мамины слезы на всю жизнь. Потому он, наверное, и с отцом не хотел общаться. Категорически.

И вот сейчас, глядя на плачущую Марину, Илья почувствовал, как в нем поднимается волна пронзительной жалости. Ему хотелось сделать для нее что-то хорошее, но он не знал что. А потому просто сел рядом и стал гладить ее по голове, по плечу. Марина заметила его не сразу, но потом громко всхлипнула, взглянула на него сквозь слезы и, уткнувшись ему в шею, заплакала еще громче. А он продолжал ее молча гладить. Марина говорила сквозь слезы о том, что ее бросил муж, о том, как она без него несчастна и одинока, спрашивала, за что он так с ней, ведь она его любит, и все было хорошо, а Илья все сидел и гладил ее, не говоря ни слова. А потом Марина, продолжая плакать и задыхаться, поцеловала его в щеку. Потом в шею, потом в губы. Это было невероятно. Конечно, Илья уже целовался с девочками. Но это было не то. Марина была взрослой, опытной женщиной, и поцелуй ее был особенным. Потом они оба сползли с дивана, и Марина, продолжая целовать его, стянула с Ильи свитер и футболку и стала снимать джинсы. Илья вытянулся в струнку и замер, боясь дышать, боясь, что все испортит, что она передумает, что у него ничего не получится. Но все получилось.

Следующие несколько дней Илья искал предлоги, чтобы зайти к ней, и она пускала его, и все происходило. А потом он стал просто приходить к ней. Помогал мыть посуду, готовить ужин, разговаривал с ней как с другом, но после это обязательно происходило.

А потом Марина вдруг стала его избегать. Она то ссылалась на головную боль, то на усталость, то к ней подруга должна была зайти. Илья мучился. Страдал. Не мог понять, что происходит, или боялся понять. Он стал следить за ней. На каждый шорох с лестничной клетки кидался к дверному глазку проверить, вдруг к Марине пришел какой-то мужик, следил из окна, как она уходит на работу и приходит домой. А потом не выдержал. Он дождался, когда она вернулась с работы, и пошел выяснять отношения. Марина долго не открывала, но он все звонил и звонил. Наконец она открыла.

— Марина, что происходит? Почему ты от меня прячешься? Я тебя обидел? — срывающимся от волнения несолидным, по-мальчишески тонким голосом спросил он.

Когда Илья шел к ней, он хотел потребовать от нее объяснений, жестко, как настоящий мужик, а получилось какое-то невнятное жалкое блеяние.

Он смотрел на нее жалобным, просящим взглядом и, к своему ужасу, чувствовал, что вот-вот заплачет.

Марина погладила его по щеке, завела за руку в квартиру и усадила на стул в прихожей.

– Илья, ты уже взрослый парень и должен понимать, что мы не можем встречаться, – ласково проговорила она, потрепав его по макушке как маленького.

Это было оскорбительно. Он был уже совсем взрослый, он был выше ее на целую голову, он был мужчиной! А она...

– Пойми. То, что произошло между нами, очень плохо. – Видя, что он собирается возразить ей, она заговорила быстрее и громче. – Я тогда проявила слабость. Мне было плохо, тошно, одиноко. Мне так хотелось, чтобы кто-то пожалел, приласкал, согрел меня. Но это было неправильно. Во-первых, потому, что мне тридцать, а тебе шестнадцать.

– С половиной, – отчаянно вставил Илья.

– И меня вообще могут посадить за совращение несовершеннолетнего, – строго, но с едва уловимым оттенком горькой иронии проговорила Марина. – Во-вторых, плохо, потому что я не люблю тебя. Во всяком случае, люблю не как мужчину, а как друга. И в-третьих, тебе тоже не нужны эти отношения. Начни встречаться с ровесницами. И не сердись на меня.

Илья вышел из ее квартиры с разбитым сердцем. Он пришел домой, сел за свой стол, обхватил голову руками и приготовился страдать. Но на душе было отчего-то удивительно спокойно. Он посидел немного, потом подтянул к себе английский и стал заниматься. За то время, что он караулил Марину, бегая от окна к дверному глазку, у него накопилось немало хвостов, и их надо было подтягивать.

Постепенно все успокоилось и забылось. Правда, Илья теперь стал другим, более уверенным, взрослым. И с девчонками у него отношения стали иными. Раньше он даже не мог мечтать о том, чтобы встретиться с Лерой из параллельного класса, а тут вдруг ни с того ни с сего подошел к ней на перемене, поболтал пару минут и пригласил на свидание. И она согласилась. Да еще и краснела, то ли от удовольствия, то ли от смущения. А Илья про себя только усмехнулся такой реакции.

А еще через несколько дней он возвращался из школы домой и увидел, что дверь Мариной квартиры не закрыта. Отчего-то ему стало не по себе. Звонить в открытую дверь Илье показалось глупым, и он просто стукнул пару раз, а потом вошел и по-взрослому, насмешливым громким голосом окликнул: «Эй! Есть кто дома?» На его голос из комнаты выглянула вовсе не Марина, а незнакомый хмурый мужчина в темном костюме. И Илья по-настоящему заволновался.

– А Марина дома? – спросил он напряженным голосом, стараясь понять, что здесь происходит.

– Илья? – услышал он оклик из комнаты и мимо незнакомого мужика рванул на голос.

Марина снова сидела на диване. Совершенно одетая. Рядом с ней в кресле сидел еще один незнакомый, строгий мужик, а у окна стоял, глядя на улицу, третий.

– Что случилось? – тревожно спросил Илья, глядя только на Марину.

– Меня обвиняют в убийстве Сергея, – неживым, тихим голосом ответила она, глядя на него испуганными, жалкими глазами.

– Какого Сергея? – растерялся от такого дикого заявления Илья.

– Моего бывшего мужа.

– Что за ерунда такая?! – возмутился Илья абсурдности заявления.

– Илья, пожалуйста, позвони моим родителям, пусть они наймут адвоката, пожалуйста! – торопливо заговорила Марина. Потом вскочила и бросилась в прихожую, один из гостей отправился следом. – Вот, тут их телефоны, и еще ключи возьми от моей квартиры, цветы поливать. – Марина суежилась, торопилась, голос ее дрожал, и Илья, чтобы как-то

успокоить ее, так же торопливо обещал ей все делать. Сразу же позвонить и еще что-то говорил успокоительное. А потом ее увезли. А он побежал звонить ее родным.

Илья по привычке поднимался к себе на пятый этаж пешком, потому, наверное, и разминулся с этой девицей. А может, уже и женщиной, он пока плохо в таких вещах разбирался.

Девушка была небольшого роста, худенькая, в джинсах и с короткой, как у мальчика, стрижкой. Она вышла из лифта на пятом этаже, как раз когда Илья был на середине лестничного пролета, и не спеша осматривала двери находящихся на лестничной площадке квартир.

– Здравствуйте, ищите кого-то? – проявил похвальную, взрослую бдительность Илья, подходя к незнакомке и нависая над ней всем корпусом. Все же сто восемьдесят восемь сантиметров – это вам не фунт изюму, да плюс еще прокачанный на тренировках торс, широкие плечи и кубики на животе. Илья своей внешностью был страшно доволен, не всем повезло, как ему. В их классе большинство мальчишек едва сто семьдесят пять натянули.

– Вы Илья? – обернувшись к нему и мельком окинув цепким взглядом, спросила девушка.

– Да.

– Меня зовут Евгения Потапова, – протягивая растерявшемуся парню руку, представилась девушка. – Я работаю на Петербургском телевидении, занимаюсь журналистскими расследованиями. Вот моя визитка. – И девушка выудила из сумки маленький глянцевый картонный прямоугольничек.

Илья мельком взглянул на него и сунул в карман.

– Я хочу с вами побеседовать о вашей соседке, Марине Кольцовой.

– А почему со мной? А что о ней говорить? – Илья сразу же напрягся. Девушка наверняка была из тех журналисток, что раскапывают мелкие сюжеты для криминальных новостей, а ему очень не хотелось, чтобы Маринино имя марали по телику. – Я вообще ничего не знаю. – И он резко развернулся к своей двери, раздумывая, не припугнуть ли нахалку полицией. Была бы она парнем, возможно, он бы его тряхнул разок, чтобы забыл о Марине и больше нос не совал в чужую жизнь.

– Ко мне обратились ее родители, – проговорила ему в спину журналистка. – В полиции считают, что это Марина убила своего мужа, и не хотят ничего расследовать, и тогда родители позвонили к нам на канал и попросили помочь. Они сказали, Марину арестовывали при вас, и это вы позвонили им и попросили нанять адвоката.

Илья обернулся и внимательно взглянул на девушку. Была она какая-то мелкая, несерьезная, кто такой поручит важное дело? Тоже мне, «человек и закон». Врет все, наверное.

– Я сперва Марининым родителям позвоню, а потом, если это правда, мы поговорим, – нахмурив строго брови, грозно произнес Илья и открыл дверь квартиры. – А вы здесь подождите.

Девушка только усмехнулась.

Едва войдя в квартиру, Илья тут же кинулся разыскивать бумажку с номером Марининых родителей. Кажется, он ее бросил возле телефона. Только бы бабушка не выкинула в помойку. К счастью, бумажка нашлась.

– Галина Тимофеевна? Это Илья, сосед Марины беспокоит, – забыв поздороваться, заторопился Илья. – Ко мне какая-то журналистка с телевидения пришла, говорит, что вы просили ее заняться расследованием, чтобы Марину выпустили.

– Здравствуйте, Илья, вы простите нас, пожалуйста, мы хотели вас предупредить, но у нас вашего телефона не было, – мягким, несчастным голосом проговорила Маринина мама. – Мы действительно от отчаяния на телевидение обратились. Есть такая передача «Журналистские расследования Евгении Потаповой»¹, нам знакомые посоветовали, вы уж погово-

¹ История авторской программы описана в книге Юлии Алейниковой «Кара Божия».

рите с корреспондентами, вдруг им удастся Марине помочь. – На этих словах голос Галины Тимофеевны сорвался, и Илья тут же торопливо, согласно кивнул.

– Конечно, конечно, вы не волнуйтесь, я только проверить хотел, что это не желтая пресса, – постарался успокоить ее Илья. – Я все расскажу. – И он, повесив трубку, распахнул перед журналисткой дверь. – Входите.

Женя стояла на лестнице и ждала. Ждала, когда этот симпатичный, такой серьезный и взрослый паренек наведет о ней справки. А на улице шелестела свежая майская зелень, слепило весеннее солнце, была пятница, и можно было бы поехать с родителями на дачу. Сейчас половина четвертого, и если она управится за полчаса, то еще до пробок прорвется на Васильевский, соберет быстренько сумку и, захватив по пути родителей, успеет проскочить мосты и выехать на ЗСД. Впрочем, не успеет. Сегодня все захотят освободиться с работы пораньше. Так что можно не торопиться, а наоборот, переждать и поехать попозже, размышляла Женя, прислонившись к перилам.

Марина Кольцова. Красивое имя. Не то что Женя Потапова. Это дело об убийстве свалилось на нее позавчера. Им в редакцию позвонила женщина и, едва сдерживая волнение, сообщила, что ее дочь обвиняют в убийстве бывшего мужа. Полиция нашла козла отпущения и ничего не собирается расследовать. Защита граждан от произвола была коньком Жениной авторской программы. Неважно, чей это был произвол, полиции, недобросовестных медиков или работников ЖЭСа. Первый эфир ее авторской программы прошел еще в ноябре, с тех пор передач вышло уже пять и все прошли с неменьшим успехом. Женя стала узнаваемой личностью, ее несколько раз приглашали на другие каналы и в другие передачи в качестве гостя. Сейчас она искала материал для очередного эфира, и история Марины Кольцовой была не единственной из тех, что она сейчас рассматривала, но, возможно, наиболее значимой. С этим предстояло еще разобраться.

– Извините, я позвонил Марининым родителям, они мне все объяснили, – возникая на пороге собственной квартиры, проговорил парнишка, Илья, кажется.

– Ничего, правильно сделал, что сперва все проверил, мало ли кем я могла оказаться, – дружелюбно улыбнулась Марина.

– Проходите, пожалуйста. Я сейчас один, можем спокойно поговорить, – посторонился Илья.

– Вообще-то я хотела бы осмотреть Маринину квартиру, ее родители сказали, что у вас есть ключи.

Они вошли в большую, светлую прихожую, одну стену которой занимал огромный, под потолок, шкаф-купе. Пол был выложен темно-коричневым полированным мрамором, а стены оклеены бежевыми с тонким золотым орнаментом обоями.

– Неплохая квартирка, – негромко заметила Женя. – А твои соседи давно тут живут?

Вопрос был не праздный, так же как и Женин визит в квартиру арестованной женщины. Марина сидела в тюрьме, или как там это называется, когда человека еще не осудили? Ее муж был мертв, а квартира давала Жене возможность составить себе хоть какое-то мнение об этих людях.

– Давно. Лет пять, наверное, – почесал задумчиво коротко стриженную макушку Илья.

– Это недолго, – назидательно проговорила Женя. – А ты хорошо их знал? – проходя в кухню и осматривая дорогую итальянскую мебель, продолжала расспрашивать Женя.

– Нет. Только Марину, – отчего-то краснея, проговорил паренек и добавил: – Мы с ней дружили.

Ясенько, был влюблен, отметила для себя Женя, пытаюсь вспомнить, сколько Марине лет. Кажется, это ей не сообщили.

– А сколько Марине лет? – спросила Женя, направляясь в комнаты.

– Не знаю. Наверное, тридцать, – пожал плечами Илья.

– Да? И как вы дружили? – словно рассеянно продолжала спрашивать Женя, осматривая безделушки в гостинной.

– В каком смысле? – тут же ошетинился Илья.

– В обыкновенном. Вы же не ровесники, – пожала плечами журналистка, оглядываясь на своего сопровождающего.

– Ну, ей было плохо после развода, я ее поддерживал. Посуду мыл, разговаривал, – пробубнил Илья, успокаиваясь.

– И долго ты ее поддерживал? – перешла в темную из-за зашторенных окон спальню Женя.

– Да нет. Пару недель. А потом ей стало лучше, и мы так часто уже не виделись.

– Ясно. А потом ее арестовали?

– Ну, да. Я из школы шел. Смотрю, у нее дверь приоткрыта. У них такой замок дурацкий, сам не захлопывается, закрывать надо. Я заглянул, окликнул Марину, а там полиция. Ее арестовали, а я пошел родителям Марининым звонить, – пояснил, тяжело вздохнув, Илья.

– А какой у нее вид был, когда ее арестовывали? – оборачиваясь к нему и внимательно за ним наблюдая, спросила Женя.

– Да какой может быть вид? На ней лица не было! Как будто ее пыльным мешком по голове треснули! Да она еле держалась, чтобы не заплакать! Вас бы в убийстве обвинили и в тюрьму вести собрались, как бы вы себя чувствовали? – с трудом сдерживая рвущиеся из груди эмоции, проговорил Илья.

– Действительно, – кивнула Женя. – Значит, ты думаешь, что это не она мужа убила?

– Конечно, нет! Зачем ей это? – засунув руки в карманы джинсов, набычившись, спросил Илья, тут же записавший Женю во враги.

– Понятия не имею. Я просто спрашиваю, – пояснила журналистка. – Ты пойми, я не знаю ни Марину, ни ее мужа и просто пытаюсь понять, что случилось. Надо же мне с чего-то начинать? Кстати, ты не знаешь, где у них фотографии хранятся? Хоть посмотреть, как Кольцовы выглядят.

Фотографии они нашли. Марина была симпатичной стройной шатенкой, довольно заурядной наружности, но очень приятной, с милым, открытым лицом. В ее муже сразу же угадывался важный начальник. Уверенный взгляд, грудь колесом, такая вальяжность в позах. И было заметно, что он ее старше. Хотя, возможно, и ненамного. Лет на шесть-семь или на восемь.

– Можно я возьму эту фотку? – спросила Женя, выбрав ту, на которой супруги стояли в полный рост на фоне какого-то памятника.

– Не знаю, наверное, – с сомнением проговорил Илья.

– Мне для дела. Если хочешь, позвони Марининым родителям.

Глава 2

Женя сидела в своем кабинете, так называл выделенную ей крохотную каморку с окном их главред Тенгиз Карпович Трупп, славный потомок кавказско-украинско-арийских предков, и размышляла.

История Марины Кольцовой ее не вдохновляла. Женя пообщалась с ее родителями, которые, естественно, свято верили в невиновность единственной дочери, побывала у Марины дома, пообщалась с коллегами в небольшой фирме, занимавшейся техническими переводами, где арестованная трудилась, и не услышала ничего вдохновляющего. На ее, Женин взгляд, Марина вполне могла убить мужа. Почему? Точнее, за что? Причин может быть множество. Но достаточно и того, что он был богат, а она нет. И вполне возможно, он собирался при разводе оставить ее ни с чем. Довод по нашим временам вполне весомый для того, чтобы прикончить бывшего супруга.

Прокручивая раз за разом эту историю с одним и тем же выводом, Женя, скорее всего, давно бы ее забросила, но вот беда, все прочие имеющиеся в наличии варианты были еще скучнее и тривиальнее.

Борьба жильцов многоквартирного дома с сотрудниками ЖЭСа по поводу слабого напора воды в трубах. Неработающий в многоэтажке лифт. Стихийная свалка на границе садоводства. Стая бездомных собак, прижившаяся в новом жилом комплексе, и недостроенная детская площадка в одном из недавно отремонтированных дворов. Вот какие проблемы занимали горожан накануне летних отпусков. С таким материалом в эфир выходить совестно, да и скучно. После такого эфира рейтинг передачи упадет до уровня плинтуса, а Трупп проест ей мозг, печень, селезенку и все прочие жизненно важные внутренние органы, а возможно, и снимет с эфира, если в момент разборок в нем возобладает кавказский темперамент вкупе с украинской эмоциональностью. И хотя Труппа Женя совершенно не боялась, понимая, что в итоге в шефе возобладает арийская расчетливость и прагматизм, но нервов и времени было жалко, да и перед зрителями будет стыдно. А это уж никуда не годилось.

Хорошо жить нерадивой безымянной уборщице, халтурно моющей общественную уборную в торговом центре, или некоему слесарю на заводе, производящему бракованные запчасти, никто их на улице в лицо не узнает и в глаза с укором не взглянет, потому что у нас уборные грязные и товары сомнительные. Жене сложнее, она личность публичная, и спрос с нее другой.

На этой печальной философской мысли Женя решила абстрактные умствования закончить и вернуться к вопросам сугубо практическим. А именно подняться из-за стола и, невзирая на лень и отсутствие интереса и энтузиазма, направиться на встречу с Марининым адвокатом, вдруг там удастся почерпнуть вдохновение или же получить хоть один призрачный довод в пользу Марининой невиновности.

Адвокатская контора, в которой трудился нанятый Мариниными родителями защитник, находилась в центре города, на Садовой улице, и ничем примечательным не отличалась. Светлые стены, подвесные потолки, ряды железных стульев с дерматиновой черной обивкой и унылая девица на ресепшене, раскладывающая дежурный пасьянс на компе.

Женя перекинула сумочку с правого плеча на левое и обратилась к девице.

– Добрый день, я к Михаилу Альбертовичу Зайчику. Мы договаривались.

Отчество Альбертович, на Женин взгляд, весьма подходило сотруднику адвокатской конторы и звучало rispetабельно, даже несмотря на смешную фамилию. Вообще, такие замысловатые отчества идеально подходят юристам, врачам, работающим в крупных и плат-

ных клиниках, и вузовским преподавателям, есть в них что-то династическое, от прошлого века.

Отчество было подходящее, а вот внешний вид адвоката Женю разочаровал. Был он каким-то невзрачным, плешивым, невысоким и лишенным всякого обаяния, к тому же он отвратительно гнусавил. Вероятно, у него были аденоиды. Конечно, наш суд не американский, и никто не ожидает от российского адвоката разыгрываемого для присяжных фееричного спектакля, но все же...

Женя присела на предложенный адвокатом стул и почувствовала накатывающую на нее отупляющую тоску. А ведь он еще только едва рот открыл! Она закатила глаза к потолку.

– Михаил Альбертович, вам звонили насчет меня родители Марины Кольцовой, вы не могли бы ввести меня в курс дела, поделиться подробностями и высказать ваше профессиональное мнение.

– Разумеется, если клиент настаивает, хотя это и не в моих правилах, – недовольно глядя на стол, тяжело вздохнул адвокат. – Двенадцатого мая сего года в своей квартире на Староневском проспекте был обнаружен Сергей Владиславович Кольцов, скончавшийся накануне от ножевого ранения. На пальцах покойного были найдены следы текстильного волокна, а также в квартире имелись отпечатки пальцев, которые после тщательного исследования были идентифицированы как принадлежащие его супруге, проживающей ныне отдельно, с которой покойный собирался в ближайшее время развестись. Как показала экспертиза, обнаруженные текстильные волокна были выдернуты из шарфа, принадлежащего той же супруге, то есть Кольцовой Марине Николаевне. В ходе опроса жильцов дома следствие выяснило, что Кольцову видели во дворе данного дома в день убийства. На основании вышеприведенных фактов Кольцова М.Н. была задержана, и ей было предъявлено обвинение в убийстве собственного мужа, Кольцова С.В., – казенной тарабарщиной вывалил на Женю имеющиеся у него сведения адвокат.

– Простите за нескромный вопрос, – осветив лицо вежливой улыбкой, проговорила Женя, – вы кем приходитесь Кольцовой? Адвокатом или следователем?

Сбитый с толку подобным вопросом, Михаил Альбертович с нежной фамилией Зайчик оторвал взгляд от столешницы и уставился на Женю.

– В каком смысле?

– В том смысле – вам кто зарплату платит? Семья задержанной Кольцовой или прокуратура? – тем же ласковым вкрадчивым голосом спросила Женя.

– Что за нелепый, неуместный вопрос? – поджал презрительно губы плешивый, невзрачный, совершенно необаятельный Михаил Альбертович, неприязненно глядя на нахальную, тощую, сопливую девицу, вообразившую себя звездой тележурналистики.

– Вопрос вполне уместный, – бестрепетно возразила Женя, которая за последние полгода прошла настолько трудный, насыщенный событиями и впечатлениями путь развития, как духовный, так и физический, что никакой заумный адвокат, никакой начальник, никакой авторитет или страж порядка при всем желании не мог бы сбить ее с толку или лишить уверенности. По крайней мере, сама она в это верила. – И поскольку вас наняла семья Марины Кольцовой и, между прочим, платит вам деньги за ее защиту, вы, как мне кажется, должны проявлять к ней максимум уважения и толерантности, несмотря на имеющиеся у полиции сведения и выдвинутые против нее обвинения. И даже наедине с собой не позволять негативных высказываний в ее адрес или таковых, которые дают повод окружающим усомниться в ее невиновности. И твердо придерживаться этой позиции. Кстати, сама Марина призналась в совершенном убийстве? – завершила свой поучительный монолог логичным вопросом Женя.

– Нет, – сухо и недружелюбно ответил адвокат.

– Я так и думала. Что ж, похоже, я получила достаточное представление о происходящем, – вешая на плечо сумку и поднимаясь со стула, проговорила Женя. – Благодарю за потраченное на меня время, со своей стороны хочу предупредить, что посоветую семье Кольцовой сменить адвоката как профнепригодного. Всего хорошего, – ядовито закончила она и напоследок хлопнула дверью, дав хоть какой-то выход клокотавшему в душе раздражению.

Вот она та зацепка, тот пинок в зад, который ей был так необходим! Этот мерзкий адвокатика настолько взбесил Женю, что сейчас, идя быстрым шагом по улице, она то и дело переходила на бег, чтобы хоть как-то справиться с бурлящим в ней желанием действовать.

Бедная девица! Хорош адвокат! Где они его только раздобыли?! Был обнаружен, показала экспертиза, была задержана! Кабачок сушеный! Мерзкая, ленивая, лицемерная, двуличная мокрица! И еще деньги за свои услуги берет, не краснеет! Ну, ничего! Вот выйдем в эфир, он у меня получит бесплатную рекламную кампанию в масштабах многомиллионного города! Посмотрим, как это владельцу его конторки понравится! Евгения пылала жаждой мщения. Она достала мобильник и набрала номер Марининой мамы.

– Галина Тимофеевна! Это Потапова. Я берусь за дело. Через полчаса буду у вас. Вы дома? Еду, – решительным, категорическим тоном заявила Женя, словно объявила войну.

Адвокат, сам того не подозревая, задел ее за живое, и теперь, невзирая на то, виновна Марина Кольцова или нет, есть против нее улики или нет, имеются у следствия иные версии или нет, она была намерена заняться этим делом. Защита сирых и убогих была ее коньком, а может, и ахиллесовой пятой. Как посмотреть. Но не так давно Женя обнаружила в себе патологическую потребность защищать незащищенных и отстаивать права бесправных. Марина стала жертвой полицейского произвола, была предана собственным адвокатом и лишена возможности хоть как-то отстоять собственную невиновность, правоту, свободу, честь... На языке у Жени вертелось еще с десятков возвышенных слов и фраз, но она уже добралась до своей машины и теперь ей пришлось отбросить на время высокое и сосредоточиться на том, чтобы выехать с тесной парковки, что при ее небольшом водительском опыте представлялось весьма проблематичным.

Хорошо, что в выходные она все же выбралась на дачу и запаслась силами и энергией для предстоящей борьбы, они ей теперь понадобятся! Времени до эфира было в обрез. Три с половиной недели. Раскрыть за столь короткий срок преступление и опытному сыщику не просто, так что придется поднажать. Ну, а не успеет к этому эфиру, успеет к следующему, рассуждала Женя, руля в редакцию. Теперь она от своих планов не отступится, а на всякий случай поручит ребятам заняться мелкими сюжетами, посвященными борьбе жильцов с Жилкомсервисом.

В обычно тихой, милой, светлой квартире Галины Тимофеевны сейчас было тяжело и душно. Душно не потому, что в распахнутые в зеленый палисадник, окружавший старый пятиэтажный дом, окна проникало мало воздуха. Нет. Воздух, напротив, был по-весеннему свежий и душистый. Душно было на сердце от неожиданно навалившегося горя. От чувства потерянности и безысходности, поселившихся в квартире больше недели назад.

Ни Галина Тимофеевна, ни ее супруг Николай Ильич никогда даже в кошмарном сне не могли представить, что с их семьей, с их родной, единственной дочерью может случиться такое несчастье. Обвинение в убийстве! Даже не подозрение.

Вначале, когда им позвонил Мариночкин сосед и сообщил дикую, непонятную новость о том, что Марину арестовали за убийство Сережи, они решили, что мальчик просто не так что-то понял. Наверное, Марину забрали в полицию для допроса. Неприятно, конечно, и даже оскорбительно, но сейчас такое в стране творится, что удивляться нечему. Но потом оба стали отчего-то волноваться и подумали, что, наверное, стоит поехать и поддержать ребенка,

чтобы Мариночка не чувствовала себя брошенной. Все же такой стресс. Сначала Сережина смерть, потом это!

Галина Тимофеевна позвонила Марине, чтобы узнать адрес отделения, куда ее отвезли, и не смогла дозвониться. Тогда они с мужем решили, что в полиции просят выключать телефон во время допроса, и уговорили себя не волноваться. Но время шло, Марина не звонила, и телефон ее по-прежнему был выключен. И только поздно вечером они ударились в панику. Во-первых, было совершенно не понятно, что делать и куда звонить. Когда человека увозила «Скорая помощь», можно было позвонить в общую справочную, а что делать, если увезла полиция?

Супруги метались по квартире, утешая друг друга и все больше нервничая. Позвонить кому-нибудь и посоветоваться казалось стыдным, да и кому позвонишь с таким вопросом, все их друзья люди кристальной порядочности и честности, законопослушные граждане, в жизни не имевшие дел с полицией. Тут же в голове стали всплывать подробности жутких историй о полицейском произволе, о том, как избиениями и пытками в некоторых отделениях получают признательные показания, как подтасовываются факты и показания свидетелей. Если раньше супруги смотрели передачу «Человек и закон» и, ужаснувшись очередной увиденной истории, пили чай и отправлялись спать, то теперь все эти истории, разом всплывшие в их памяти, не давали им заснуть всю ночь. К утру Николаю Ильичу стало плохо с сердцем, и пришлось вызывать «неотложку».

Отчаявшаяся, напуганная, обессиленная бессонной ночью, Галина Тимофеевна от безысходности пожаловалась врачу из «неотложки» на свое горе, и та ей бросила, уходя, что лучше всего нанять адвоката, и тут Галина Тимофеевна вспомнила, что Илья, этот мальчик-сосед, сразу же сказал, что Мариночка просила найти адвоката. Едва часы пробили девять утра, оба супруга, вооружившись телефонными книжками, принялись обзванивать знакомых и чуть не плача от отчаяния просить помочь найти хорошего адвоката. Конечно, приходилось объяснять, что случилось, оправдываться, выслушивать соболезнования. А в это время бедная девочка, тихая, домашняя, которая мухи за свою жизнь не обидела, в жизни не нагрубила никому, сидела в камере. В одной из этих жутких, перенаселенных, тесных душных камер, в которых стены выкрашены в ужасные бурые цвета, где люди спят по очереди, где кормят неизвестно чем, а еще с ней вместе находятся какие-то женщины, большая часть из которых настоящие преступницы, или проститутки, или больные туберкулезом. Все эти ужасы неотступно крутились в голове родителей, и Галина Тимофеевна, продолжая звонить знакомым, уже не стесняясь, плакала в голос. Ближе к обеду приехали ее сестра с мужем и племянница Николая Ильича, именно она и смогла достать телефон адвоката. Говорили, что он какой-то очень известный в городе специалист, берет недешево, но что он имеет связи в судах. Настя, племянница, даже съездила с ними к адвокату и помогла договориться. Адвокат быстро выяснил, где находится Мариночка, что обвинение против нее выдвинуто серьезное, что все факты указывают на ее вину и лучше бы ей во всем сознаться.

После того как адвокат заявил, что постарается максимально снизить срок, Галина Тимофеевна долго сидела молча, не в силах переварить услышанное. Марину осудят за убийство? Отчаяние, которое владело супругами накануне, не шло ни в какое сравнение с тем, что овладело ими после общения с адвокатом. Марина в тюрьме, и даже ее адвокат считает, что Сережу убила она! Никакие слезы, уверения и клятвы уверенности адвоката, похоже, не поколебали.

– Как же так, Коленька, – плакала Галина Тимофеевна, – что же нам теперь делать, ведь Мариночка невиновна? Если все будет, как сказал адвокат, она попадет в тюрьму! В тюрьму! Ты понимаешь, что это такое?

Николай Ильич понимал. Он понимал, что его девочку, его единственную дочь, послушную, тихую, порядочную, совершенно ни за что посадили в тюрьму, обвиняют в

страшном преступлении, а он, ее отец, ничего не может сделать. Он абсолютно беспомощен, и никакие слезы и жалобы здесь не помогут. У него дрожали руки, горело в груди, он то шагал по комнате, то падал в свое кресло и думал, думал, думал, что он может сделать, что они могут сделать? Как помочь их ребенку, кто им может помочь? Связей у них нет, больших денег тоже. К кому обратиться? К журналистам? Да что они могут сделать? Написать статью? Пустить сюжет в криминальных новостях? Еще неизвестно, что после этого будет. И тут Николай Ильич вспомнил, что несколько месяцев назад его жена рассказывала, что у них на работе у сотрудницы дочку заразили, нет, не заразили. Но, в общем, женщина заболела раком после лечения у недобросовестных врачей, и все бы это так и осталось, если бы не одна журналистка, которая ведет на Петербургском канале собственную передачу, и именно после этой передачи всех посадили. И даже компенсацию выплатили и хорошего доктора нашли.

– Галя, как звали ту журналистку? – вскинулся в кресле Николай Ильич. – Ту, что врачей посадила?

А потом был звонок в редакцию и разговор с Женей. Конечно, при первой встрече она не произвела на них ожидаемого впечатления. Такая молоденькая! Даже моложе Марины. Маленькая какая-то, худенькая, совсем не солидная. Просто пигалица. Николай Ильич даже пожалел, что не отважился обратиться на центральное телевидение, но было уже неловко отказываться, и вот теперь она снова сидит в их квартире, и кажется, действительно взялась за дело, и чего-то даже начала расследовать. И Николай Ильич отчего-то вдруг стал смотреть на Женю как на единственное средство спасения, как на последнюю надежду.

– Галина Тимофеевна, расскажите мне о семье вашей дочери, какие у нее с мужем были отношения, что их связывало, как жили, как познакомились. Мне интересно все. Каждая мелочь, – доставая диктофон, объясняла Женя.

Родители Марины жили в двухкомнатной, хорошо отремонтированной, хотя и небольшой квартире в кирпичном пятиэтажном доме. Оба еще работали, мама, кажется, преподавала языки. Отец служил инженером в Петроэлектросбыте. В гостиной, где они расположились, было много книг. Старомодные книжные полки занимали одну стену комнаты от пола до потолка. В основном это были собрания сочинений, дефицитные во времена застоя подписные издания. Женины родители ради таких книг сдавали макулатуру.

– Может быть, чаю? – запоздало предложила Галина Тимофеевна. Смущенная, то и дело от волнения взглядывающая на мужа, словно ища у него поддержки и проверяя, правильно ли они поступают, впутывая в семейные неприятности журналистов.

Отец Марины, невысокий, полненький, тихий человек, с большой лысиной, седыми кудряшками на затылке и несчастным взглядом светло-серых, словно выцветших глаз, вряд ли мог служить ей надежной опорой. Он сидел в кресле, опершись локтями о колени и уперев подбородок в сцепленные ладони, почти не глядя по сторонам и изредка кивая супруге, скорее по привычке.

Не бойцы, заключила Женя, рассматривая семейство Орешниковых. От чего ее сердце наполнилось еще большей жалостью к ним и раздражением в адрес адвоката. Обижать таких тихих, кротких людей – просто низость.

– Нет, спасибо, – ответила она на предложение хозяйки. – Лучше сперва поработаем, а почаявничать еще успеем, – проговорила она с улыбкой, желая хоть как-то подбодрить Галину Тимофеевну.

– С чего же начать? – растерянно нахмурилась та, не имея сил собраться с мыслями.

– Давайте со знакомства, – подсказала Женя.

– Да, да, конечно, – обрадовалась Галина Тимофеевна. – Они познакомились случайно. Знаете, даже забавно. Мариночка свою бабушку навещала, она у нас еще жива была. Жила

в Озерках. И застряла в лифте, я имею в виду Мариночка застряла. И как раз с Сережей. Он жил тогда в одном подъезде с Анной Ивановной. Это моя свекровь, Маринина бабушка, – смущенно взглянув на мужа, пояснила Галина Тимофеевна. – Они тогда часа два в лифте просидели, вот и познакомились. А через день снова встретились. Анне Ивановне в этот день очень плохо было, Сережа вызвался осмотреть. А через три месяца они поженились. Свадьба была очень пышная. Сережа сам все организовал. Вы знаете, он старше Мариночки на девять лет. Когда они познакомились, он был уже состоявшимся, успешным человеком. Я, помнится, тогда еще порадовалась, что не мальчишка какой-нибудь. А Мариночка только университет окончила. Она у нас переводчик. – Женя кивала, внимательно слушая. – Первое время они с Сережей в Озерках жили, а когда Анна Ивановна умерла, Сережа квартиру купил. Большую, трехкомнатную. Ремонт хороший сделал, дорогой. Очень старался, чтобы все идеально было. Плитку мраморную из Италии заказывал. А мебель кухонную они вместе с Мариночкой выбирали, дорогая очень. Тоже, кажется, итальянская, очень ей угодить хотел, – совсем загрустила от воспоминаний Галина Тимофеевна.

– А как у них обстояло с финансами? – решила подстегнуть процесс Женя.

– С финансами? – озадачилась Галина Тимофеевна. – Хорошо. Сережа много зарабатывал, ну и Мариночка работала.

– Нет. Я имею в виду как строился их бюджет, – постаралась донести свою мысль Женя. – Он выдавал определенную сумму на месяц, просто покупал, что просили, или приносил домой зарплату и складывал в тумбочку?

– Ах, в этом плане! – понимающе кивнула Галина Тимофеевна. – Сережа клал деньги на счет, а у Марины была карточка. Он любил, чтобы деньги на хозяйство она брала оттуда несколько раз в месяц, крупными суммами. Мне Марина сама рассказывала. Говорила, так легче следить за списаниями со счета. А большие покупки они всегда согласовывали. Ну и у Марины всегда были свои деньги. По сравнению с Сережиной зарплатой не много, конечно, а вообще она хорошо зарабатывает. Она занимается техническими переводами.

– А кто оплачивал лечение, отдых, коммунальные платежи?

– Сережа, конечно. У них с Мариночкой были очень дорогие медицинские полисы, а последние три года он и нам с отцом на дни рождения стал медицинские страховки дарить. Мы с мужем по ним могли в клинике «Скандинавия» наблюдаться, – с гордостью проговорила Галина Тимофеевна. – Знаете, Сережа вообще был замечательным мужем, да и зятем тоже. Заботливый, внимательный. Они с Мариночкой душа в душу жили. Почему ему вдруг развод понадобился? – вдруг всхлипнула Маринина мама.

– Да уж, чем ему Марина не угодила? – вздохнул в тон ей Николай Ильич. – А тут еще несчастье это. Смерть Сережина. Я вот даже думал, а вдруг он специально развестись хотел, знал, что ему угрожают, желал Мариночку защитить? – пытливо взглянул он на Женю.

Жени мысль показалась оригинальной, и она решила взять ее на заметку.

– А вы говорите, они хорошо жили? Без скандалов? – спросила вслух Женя, решив покопаться в этом аспекте жизни семьи Кольцовых.

– Что вы! – убрала в карман носовой платочек Галина Тимофеевна, перестав промокать им слезы. – Мариночка очень мягкая, неконфликтная девочка, да и Сережа был человек выдержанный. Сколько я помню, он голоса ни разу ни на кого не повысил. Мог, конечно, замечание сделать, строго так или холодно. Но скандалить? Нет. Не тот человек.

– Значит, у них вообще разногласий не было? – недоверчиво уточнила Женя.

– Ну, разногласия у всех бывают, даже у нас с мужем, – кивнула на тихого Николая Ильича супруга. – И у них были, особенно по первости, пока не притерлись и друг к другу не привыкли. Мариночка вначале обижалась, что муж много времени на работе проводит. На праздники опаздывал, даже на ее дни рождения мог позже гостей прийти. Цветы не часто дарил. А Сереже не нравилось, что Марина подружек в дом приглашала. Он уставал очень,

ему после работы отдохнуть хотелось, а у них вдруг гости на кухне сидят. Он сердился, конечно, – охотно рассказывала Галина Тимофеевна.

– А как они ссорились?

– Как ссорились? Ну, Сергей Мариночке выговаривал, она плакала, обижалась. Потом мирились, конечно.

– И часто это бывало? – прищурившись, спросила Женя.

– Да нет. Только вначале. А последнее время у них вообще все хорошо было. Потому мы так и удивились, когда Сережа о разводе заговорил, – взволнованно поделилась Галина Тимофеевна. – Хотя, может, она мне чего и недоговаривала. Знаете, чтобы не расстраивать. Но для нас это точно было полной неожиданностью.

– И как повела себя Марина? – заинтересованно спросила Женя.

– А как тут себя поведешь, когда любимый муж, в котором ты души не чаяла, тебя вдруг бросает? – укоризненно спросила Галина Тимофеевна, заливаясь румянцем. – Уж она и плакала, и просила, умоляла даже не уходить. Просила объяснить, в чем дело, уговаривала к психоаналитику походить, обещала работу бросить, хотела попробовать больше времени вместе проводить. Да что только не предлагала. И еду его любимую готовила, и за собой тщательнее следить стала. Думала, вернуть сможет. Даже к экстрасенсу один раз ездила, чтобы Сережа одумался. Десять тысяч заплатила. А он взял и съехал. И ведь знаете, что самое обидное?

– Что? – с любопытством спросила Женя, еще раз убеждаясь, что все мужики сволочи.

– Ничего толком не объяснил, – сердито проговорила Галина Тимофеевна. – Мариночка извелась вся. Похудела, ночами не спала. Плакала сутки напролет. Если бы не работа, так слегла бы, наверное. И ведь она у нас такая, к себе не пускала, ничего толком не рассказывала, это уж мне подруга ее позвонила, рассказала, что у них творится, – жалобно проговорила Галина Тимофеевна. – Марина очень жаловаться не любит, гордая она у нас. А вот перед Сергеем унижалась, удержать хотела любой ценой. Даже на работу к нему ездила. А он только и твердил: все кончено, я тебя больше не люблю. Мы чужие люди. Так будет лучше, ты еще молодая, другого себе найдешь.

– Сколько у них была разница в возрасте? – еще раз уточнила Женя.

– Девять лет. По молодости вроде и много, а так почти ничего.

– Гм. Может, моложе себе нашел? – задумчиво проговорила Женя. – А кстати, до Марины он был женат?

– Нет. Мариночка его единственная жена. Он всегда говорил, что раньше ему некогда было, да и Мариночка еще маленькая была. Да и вообще, Сергей не из таких, кто за молоденькими бегаёт. Его, по-моему, больше всего в жизни работа интересовала. Он на работе сутками пропадал. И в отпуск не каждый год ездил. Мариночка часто одна отдыхала или с нами.

– Да. Интересно, чего это он вдруг развестись решил? – задумчиво проговорила Женя, пытаясь понять чужие нелогичные поступки.

– Не знаю. Я, признаться по секрету, один раз подкараулила его у работы, хотела с ним по душам поговорить, попросить его не торопиться с разводом, – воровато взглянув на мужа, шепнула Жене Галина Тимофеевна. – Вы только Мариночке не говорите. Так он мне сказал просто, что они с Мариной сами разберутся, в машину сел и уехал. И все.

Николай Ильич лишь покачал головой, по-прежнему ни на кого не глядя.

«Да, если Марина хоть немного похожа на своих родителей, мужа своего она точно не убивала», – оглядев сочувственным взглядом тихих, добродушных, безобидных супругов, подумала Женя. И этот мерзавец адвокат на таких безответных людей покусился! В порошок его стереть, гада!

– Ну что ты за человек, Потапова? – устало-осуждающе глядя на Женю, проворчал майор Суровцев Петр Леонидович² и, покачав головой, продолжил: – Ну, зачем тебе это надо? Ты что думаешь, в полиции без тебя не разберутся? Занимайся ты обманутыми старушками и непутевыми подростками, зачем тебе в дело об убийстве лезть, да еще и абсолютно безнадежное?

С майором районного следственного комитета Суровцевым Петром Леонидовичем Женю связывали сложные отношения. Они познакомились полгода назад, когда Женя невольно стала свидетелем самоубийства. Знакомство их продолжилось сперва по инициативе майора, а потом вопреки всякой его инициативе. И надо сказать, с тех пор майор уже не однажды пожалел о том, что в тот роковой вечер не отправил свидетельницу Потапову подбру-поздорову, а принялся, зачем непонятно, вызывать ее на допросы, за что и поплатился. Ныне майор Суровцев был намертво прикреплен к передаче «Журналистские расследования Евгении Потаповой» в качестве консультанта от правоохранительных органов. Избавиться от этого бремени он не мог. Во-первых, начальство не велело, во-вторых, телевизионщики держали мертвой хваткой, в-третьих, жена, возмечтавшая превратить скромного оперативника в звезду экрана. И не было бедному Петру Леонидовичу никакого исхода, а ведь он патологически, до дрожи в коленках боялся публичных выступлений и таскался на эту голгофу с валидолом в кармане, обливаясь слезами в душе и потом снаружи.

А все она, Евгения. Он взглянул на свою гостью тяжелым, недобрим взглядом.

– Вот! Именно! Безнадежное! – Наизидательно ткнула в сизый полицейский нос пальцем Женя, словно не замечая настроения майора. – На человеке уже крест поставили, все, даже адвокат! А она, между прочим, невиновна!

– Ну да! Ты это уже точно знаешь! – усмехнулся майор.

– А вы? – тут же пытливо прищурилась Женя.

– Видел я дело. Разговаривал с ребятами. Она его пришила. Поверь моему полицейскому опыту. Дело проще пареной репы. Убивать, наверное, не хотела, может, даже мириться приходила, но потом либо ревность разыгралась, либо бабки не поделили, вот и результат. Да и улики в квартире хоть отбавляй. А она, глупая, твердит, что в жизни там не была и даже об этой квартире не знала.

– Ну, вот! Значит, ее попросту подставили! А полиция и рада ничего не делать! – гнула свое, словно не слыша майора, Женя.

– Слушай, Потапова, а что я, собственно, волнуюсь, доказываю тебе что-то? Хочешь свое время впустую потратить? Вперед. Я тебя предупредил, – раздраженно откидываясь на стуле, проговорил потерявший терпение Суровцев. – Что я-то волнуюсь? Мне до этого какое дело?

– Такое, – ласково улыбнулась тут же подобревшая Женя. – Что одной мне не справиться, мне помощь профессионала понадобится, лучшего из лучших.

– Ну, вот и найми себе частного детектива. А я лицо подневольное, у меня свои обязанности и круг полномочий. Так что удачи вам, Евгения Викторовна, привет Труппу. – И Суровцев демонстративно подтянул к себе лежавшую на краю стола папку с каким-то делом и уткнулся в нее носом, всячески демонстрируя Жене свою занятость.

– Ну, хоть с чего начать, подскажите? – меняя тактику, жалобно проканючила Женя.

– Для начала покиньте мой кабинет, – сухо посоветовал Суровцев и отключился от окружающего.

² Об отношениях майора Суровцева и Жени Потаповой читайте в книге Юлии Алейниковой «Кара Божия».

Глава 3

Ничего неожиданного встреча с Суровцевым Жене не принесла, она и не предполагала, что майор вдруг кинется ей помогать. Не тот он человек. Но вот если Женя действительно сможет сдвинуться с мертвой точки и найдет хоть какое-то доказательство невиновности Марины или сможет хотя бы поколебать уверенность Суровцева в ее абсолютной виновности, тогда другое дело. Но для этого придется потрудиться. Причем совершенно самостоятельно. И Женя, выйдя из ставшего почти родным отделения полиции, двинулась не спеша домой, в старый флигель, наслаждаясь душистым майским вечером и запахом цветущей в сквере возле Андреевского рынка сирени. Она по-прежнему жила в маленькой арендованной квартире на четвертом, последнем этаже старого дома, стоящего на задворках Андреевского рынка, возле Академии художеств, в двух шагах от Невы.

За последние полгода карьера Жени сделала резкий зигзаг и пошла круто вверх, доходы ее соответственно выросли, и она могла бы снять что-нибудь более престижное и комфортабельное, но ей не хотелось. Она как-то прикипела к своей уютной, маленькой, запущенной квартирке с низкими деревянными подоконниками, скрипучими старыми рамами, на которых сохранились старинные медные задвижки, и затертой лепниной на потолке, и даже подумывала, не выкупить ли ее у хозяйки, взяв кредит в банке.

Женя распахнула дверь квартиры, и ей тут же выбежал навстречу ворчливый серый попугай по кличке Сильвер и сразу же принялся жаловаться.

– Хулиган! Разбойник! Хулиган! – кланяясь и вертя головой, кричал Сильвер, а потом подбежал к появившемуся на пороге комнаты Корнишону и боднул его в лоб.

Корнишон был котом, точнее котенком, но уже довольно взрослым. Женя подобрала его полгода назад в подворотне своего дома. Он был таким крошечным и тощим, что тогдашний Женин приятель, с которым они были в стадии расставания, обозвал его корнишоном. Котенок действительно был размером чуть больше маленького огурчика. Так Женя его и окрестила в пику бывшему возлюбленному.

Теперь Корнишон подрос, отъелся. У него была пушистая серая шерстка, которая недавно начала линять каким-то странным образом. На голове и загривке шерсть стала жестче и длиннее, а на спине и попе по-прежнему напоминала мягкий всклокоченный пух. Выглядел котенок забавно, словно его сложили из двух разных половинок. Венчал все это недоразумение торчащий сверху трубой мохнатый хвост. И вот этот самый Корнишон рос совершеннейшим хулиганом, несмотря на попытки Сильвера воспитать его порядочным солидным котом. Корнишон таскал еду отовсюду, куда дотягивались его лапы, драл обои, спал на подушках и иногда из вредности забирался к Сильверу в клетку. Попугай страшно сердился, ругался и старался клюнуть Корнишона в макушку, но тот всегда ловко уворачивался. Так они и жили в ожидании Жениного возвращения с работы, и едва она переступала порог родного дома, бедный старый Сильвер тут же бежал жаловаться на зарвавшегося пушистого разбойника. Женя отчитывала Корнишона, иногда даже шлепала веником, но на следующий день все повторялось сначала.

– Как тебе не стыдно? Взрослый кот, из приличной семьи, а ведешь себя как какой-нибудь беспризорник! – выговаривала коту Женя, разбирая покупки на кухне. – Опять не слушался Сильвера? Вкусенького сегодня не получишь.

Когда вся живность была накормлена, покой и порядок в доме восстановлены, девушка уселась в комнате на диване, подтянула под себя ноги и принялась за составление плана ближайших военных действий.

Кое-какие сведения о Марине у нее уже имелись, пришло время познакомиться с личностью ее мужа. А для этого стоит посетить его офис. Побеседовать с секретаршей и сотруд-

никами. Постараться выявить всех имевшихся у Кольцова С.В. недоброжелателей и вычислить среди них убийцу. Ибо Маринину невиновность Женя решила принять как аксиому, не требующую доказательств.

План составилась очень быстро, и, решив главную проблему, остаток вечера она посвятила заслуженному отдыху.

Сергей Владиславович Кольцов был человеком значимым и работал генеральным директором компании со специфическим названием «Фармнект», производящей лекарственные препараты.

Ни о размерах предприятия, ни о его репутации на рынке Женя навести справки не сообразила, а просто приехала по сообщенному ей родителями Марины адресу и уперлась в проходную. Почему-то ее внутреннему взору рисовался некий офис, арендуемый компанией в приличном офисном центре, с сидящей в холле на ресепшен секретаршей. Увы. На деле все обстояло иначе. Оказывается, предприятие имело свою территорию, внушительную и строго охраняемую, попасть на которую было вовсе не просто. По полученным от вахтера сведениям, за забором имелись не только административный корпус, но и производство, и даже исследовательский центр.

– Так кому о вас сообщить? – подозрительно глядя на Женю, поинтересовался начальник бюро пропусков, приглашенный вахтером по случаю Жениного визита.

– Давайте директору, – после минутной заминки решила Женя, быстро соображая, что до самого прибытия в начальственный кабинет вряд ли стоит упоминать об истинной цели своего визита, а лучше, прикрывшись корочкой с выбитым на ней золотом словом «ПРЕССА», проникнуть на территорию, а уж там...

После долгих переговоров и согласований начальник бюро пропусков известил Женю, что за ней спустятся, и гордо удалился. А Женя еще минут двадцать маялась в проходной, пока к ней не спустилась подтянутая, зализанная девица в строгом костюме и туфлях-лодочках. Выглядела она так, словно только что сошла с плаката, демонстрирующего, как должен выглядеть образцовый сотрудник солидной компании.

– Здравствуйте, меня зовут Светлана Яновна, я пресс-секретарь компании, – протягивая Жене руку, строго проговорила девица.

– Да, но я рассчитывала на встречу с директором или секретаршей, – разочарованно проговорила Женя.

– Не беспокойтесь, я все вам расскажу и проведу экскурсию по нашему предприятию, – успокоила ее девица.

Очень мне интересно ваше предприятие, мученически закатив глаза к потолку, подумала Женя, но спорить не стала. Надо же с чего-то начинать.

Производство, которым руководил покойный Кольцов, было стерильным, высокотехнологичным и очень респектабельным, а самое главное – огромным и весьма дорогостоящим. Во всяком случае, так показалось Жене, а она, разумеется, специалистом не была.

Сотрудники предприятия все как один были облачены в светло-голубые комбинезоны, на головах у них были шапочки, на руках перчатки, многие работали в масках и специальных очках. Надо заметить, что и Женю облачили в такой же комбинезон, хрустящий и стерильный, и заставили надеть намордник, чтобы не распыляла в производственных помещениях свои бактерии. Вокруг Жени посверкивали стальными боками какие-то кубы, баллоны, трубы, неизвестные агрегаты, реторты и прочие сложные научные емкости. Вокруг было понатыкано всяких датчиков, экранов, блоков управления и прочего сложного неизвестного Жене оборудования. За стеклянными стенами и колпаками продвигались, наполнялись, фасовались и упаковывались таблетки, ампулы, капсулы и прочая фармацевтическая продукция. Незаметно для себя Женя увлеклась происходящим и решила, что было бы неплохо посетить этот оазис фармакологического производства со съемочной группой. Проиллю-

стрировать, так сказать, жизнь и работу почившего Сергея Владиславовича Кольцова, чтобы все поняли, каким важным делом он занимался при жизни и сколь успешно это делал.

Светлана Яновна тем временем, рассказав Жене историю компании, теперь добросовестно докладывала гостю о тонкостях производства и успехах предприятия.

– Наша компания является одним из наиболее высокотехнологичных и инновационных российских фармацевтических предприятий, осуществляющих производство лекарственных препаратов в соответствии с требованиями «Правил организации производства и контроля качества лекарственных средств» (GMP EU), – с гордостью рассказывала образцово-показательная Светлана Яновна. – На предприятии установлено оборудование ведущих мировых компаний. Предприятие ежегодно проводит технический аудит производственных мощностей совместно с зарубежными партнерами, представляющими ведущие мировые фармацевтические компании, такие как «Никомед», «Байер», «Санофи-Авентис» и другие.

Женя усиленно хмурила лоб и важно кивала, радуясь, что может не конспектировать всю эту заумную чушь, а на всякий случай просто включила диктофон.

– У нас осуществляется очень строгий многоступенчатый контроль качества продукции, приготовленные лекарственные вещества анализируются по химическим и микробиологическим показателям. Наша компания два раза в год проходит аудит, проводимый западными фармацевтическими компаниями, – продолжала свой захватывающий рассказ пресс-секретарь. Вдруг она заметила на Женином лице отсутствующее выражение. Тогда Светлана Яновна по-дружески улыбнулась своей гостю, отчего сразу же утратила всю свою напускную солидность и заговорщицки сказала: – Не перенапрягайтесь, когда придем в офис, я подарю вам диск с рекламным фильмом о нашей компании, там все подробно рассказано и проиллюстрировано.

– Правда? Слава богу! – искренне обрадовалась Женя, у которой от вращающихся ампул, крутящихся колб, мигающих датчиков и кучи непонятной информации началась интеллектуальная перегрузка.

– Но экскурсию я все же закончу, – возвращая себе строгое выражение лица, предупредила Светлана Яновна, и они перешли в следующее помещение.

На Женино счастье, экскурсия вскоре завершилась, и девушки, сняв спецодежду, выбрались из царства стерильности на свежий воздух и солнечный свет.

– До недавнего времени наше предприятие в основном специализировалось на производстве высококачественных дженериков. Список выпускаемых нами препаратов весьма обширен, и я обязательно представлю вам буклет, когда мы вернемся в офис. Но не так давно мы построили новый исследовательский комплекс, оснащенный новейшим оборудованием, и укомплектовали штат высококлассными специалистами, – указывая на небольшой двухэтажный домик, примыкающий к административному корпусу, проговорила Светлана Яновна. – Но туда я вас провести не смогу. Очень высокая степень секретности. Посторонним туда нельзя. Нам удалось заполучить себе одного талантливого молодого профессора, микробиолога, он три года назад получил даже гранд от правительства на новые исследования, но нашему руководству удалось его переманить. Он раньше в одном крупном исследовательском институте работал, – заговорщицки шептала Светлана Яновна, – но я не могу вам сообщить ни его фамилию, ни какими именно исследованиями он сейчас занимается. Все это строжайшая тайна! Промышленный шпионаж! Сами понимаете! А то знаете, как бывает, один огромные деньги вкладывает в исследования, а другой на все готовенькое метит, – сведя брови, назидательно проговорила она.

От ее слов у Жени затрепетало где-то под ребрами. Вот оно! Промышленный шпионаж! Кольцова могли убить конкуренты, охотившиеся за новыми разработками! Додумать эту мысль и развить ее во всей логической полноте Женя не успела, поскольку они прибыли

в административный корпус, и Светлана Яновна, пройдя с гостьей в свой кабинет, принялась угощать ее чаем-кофе, буклетами, рекламными роликами и продукцией предприятия.

К счастью, у Жени хватило сообразительности настоять на отдельном интервью с руководителем предприятия. Светлана Яновна пообещала его организовать, и Женя, наполненная до краев сведениями о современном фармацевтическом производстве, покинула «Фармнект».

Глава 4

С момента визита журналистки прошло уже четыре дня, на протяжении которых Илью не покидала по-детски наивная надежда на то, что Марина вот-вот вернется домой.

Время шло, Марина не возвращалась. Илья все больше задумывался о случившемся и о том, чем именно может помочь Марине эта тощая, мелкая, какая-то несерьезная журналистка. Он взял оставленную визитку и нашел в Яндексе ссылку на ее передачи, и даже просмотрел все пять. В эфире, одетая в строгий костюм и накрашенная, она выглядела не в пример взрослее и солиднее, чем в жизни. И передачи у нее были интересные, она все время кого-то разоблачала, защищала, и кажется, по ее инициативе кого-то даже посадили.

Но все же она не следователь, не сыщик и вряд ли справится с делом в одиночку. Илья все больше и больше размышлял о стоящей перед журналисткой проблеме и, наконец, пришел к несложному очевидному выводу. Если у Марины будет твердое алиби, то ничего другого для ее освобождения и не понадобится! А алиби он сам ей может обеспечить, главное – это узнать, когда точно убили ее мужа. Сергея, кажется.

Илья бросился к телефону. Звонить Марининым родителям он постеснялся, другое дело эта журналистка. Ее он совсем не боялся, потому что она выглядела почти его ровесницей и одевалась по-молодежному. Джинсы, курточка, кроссовки. И Илья набрал ее номер.

– Здравствуйте, Евгения Викторовна, это Илья, сосед Марины Кольцовой. Я хотел спросить, как у вас дела, скоро Марину отпустят? – торопливо, стараясь скрыть неожиданно накатившее волнение, спросил мальчик.

– Привет, – по-дружески отозвалась журналистка. – Об освобождении еще рано говорить, я только начала ее делом заниматься.

– А вы знаете, когда точно убили ее мужа? Мне кажется, что в это время я был вместе с Мариной, – подчеркнуто многозначительно произнес Илья последнюю фразу.

– Когда убили? – повторила его вопрос журналистка. И Илье вдруг показалось, что она представления не имеет о таком важном вопросе. – Знаешь, Илья, я сейчас совсем не могу говорить, перезвоню позже, – ни с того ни с сего заторопилась она и отключилась, оставив его в полном недоумении.

– Блин! – хлопнула себя по лбу Женя, нажав клавишу сброса. – Вот балда!

Как можно было не подумать о таком важном моменте? Время убийства! Ведь наличие у Марины твердого алиби моментом решило бы все вопросы! Вон, ребенок и то об этом догадался, с досадой подумала девушка, стуча по капоту машины папкой с буклетами «Фармнекта». Распровавшись со Светланой Яновной, Женя едва успела добраться до своей машины, полная идей и версий, строящихся вокруг яркого заголовка «Промышленный шпионаж», развернувшегося в ее голове подобно первомайскому транспаранту, когда звонок Ильи низвергнул ее с небес на землю.

– Блин, – еще раз хлопнула папкой по капоту Женя и полезла в машину.

«У кого бы узнать точную информацию», – задала она себе риторический вопрос, поскольку ответ был совершенно очевиден. Придется звонить этому гнусу адвокату, а ведь она с ним так гордо, эффектно распроващалась. И что она за бестолочь такая? Нет чтобы прежде чем оскорблять паразита, попросить у него копию материалов дела или еще что-то документальное. Женя тяжело вздохнула и представила себе полное ехидного самодовольства лицо Михаила Альбертовича.

– Здравствуйте, девушка, с господином Зайчиком соедините, пожалуйста, – строго проговорила Женя, настраиваясь на неприятный разговор.

– Как вас представить? – задала коварный вопрос секретарша.

– Евгения Потапова, – с надеждой на легкий успех произнесла Женя.

– Минуту. – В телефоне запиликала стандартная мелодия, а потом вернулась секретарша. – У Михаила Альбертовича встреча с клиентом, он не может вам ответить. Перезвоните, пожалуйста, позже.

Ага. А позже его не будет на месте, потому как он в суд уедет, и так далее, и тому подобное. Встретаться с ней по доброй воле Зайчик ни за что не станет, кивнула сама себе Женя. Поблагодарила секретаршу и развернула машину в сторону центра. Говорили ей умные люди, никогда не мешай чувства с делом.

«Ну, не понравился тебе адвокат, ну, показался он тебе беспринципным, бездарным вымогателем и лицемером. Ну, так и оставь свое мнение при себе. В крайнем случае, поделись им с его нанимателями, зачем в лицо все высказывать? – ругала себя Женя, тащась по пробкам в сторону Садовой. – Повела бы себя как взрослый, выдержанный человек, сэкономила бы три часа собственного времени».

Самовоспитательный процесс помог Жене скрасить поездку в контору. Самосовершенствование – процесс бесконечный и поступательный, к тому же достойный всяческого уважения, заключила она, подводя черту. На этой позитивной ноте она распахнула дверь знакомой конторы и, широко улыбнувшись секретарше, направилась напрямик в кабинет Михаила Альбертовича.

«Ну, держись, ушастенький мой!» – злорадно усмехнулась себе Женя и без стука вломилась в кабинет.

– Михаил Альбертович, добрый день! Прекрасно выглядите, а я без предупреждения! Экспромт, так сказать, – плюхаясь на стул возле адвокатского стола, дружески улыбаясь, сообщила Женя.

Михаил Альбертович нервно дернулся, но сумел подавить гримасу отвращения и взглянул на Женю холодным взглядом.

– Чем обязан?

– Как выходные провели, Михаил Альбертович? – словно не слыша вопроса и не замечая сквозящей во взгляде адвоката неприязни, продолжала налаживать «контакт» журналика. – Я вот с родителями на даче была. У нас домик в садоводстве. Там сейчас так чудесно! Черемуха зацвела...

– Чем обязан? – не оценив Жениных усилий, вторично спросил плешивый, необаятельный Зайчик.

– Да сущей мелочью! Потому и без звонка, – лучась «искренней любовью», не сдавала позиций Женя. – Забыла спросить в прошлый раз, во сколько точно умер Кольцов. Девичья память, – сожалеюще пожала она плечами.

– А отчего же с таким вопросом и ко мне? – полностью оправдывая Женины дурные предчувствия, с откровенной злой ехидцей проговорил Михаил Альбертович. Даже улыбнулся от удовольствия.

– А к кому же, Михаил Альбертович? Вы же наш адвокат, защитник, – стирая с лица всякий намек на издевку или иронию, проговорила Женя.

– Да что вы? А мне-то показалось, что меня сегодня с утра уволили, расторгнув со мной договор по вашему наущению. По причине профнепригодности, – с откровенной неприязнью взглянул на Женю адвокат Зайчик. – Жаль, конечно, поскольку я уж и с судьей о деле переговорил, и со следственным комитетом беседовал о возможных вариантах, – многозначительно процедил Михаил Альбертович. – Ну да теперь это уж не моя забота, теперь уж этим пускай настоящие профессионалы занимаются, – мстительно, не скрывая злорадства, прошипел отвергнутый адвокат. – Так что к ним и вопросы.

– Да? Вот и отлично, уж теперь Марину точно оправдают! – отбрасывая в сторону лицемерие, проговорила Женя, поднимаясь.

– Ну-ну. Посмотрим, – скривив губы в улыбке, покивал Михаил Альбертович.

– И поосторожнее с «нуками», а то я отдельную передачу посвящу именно вашей «успешной» адвокатской деятельности, – грозно сведя брови, произнесла Женя и в очередной раз хлопнула дверью кабинета.

«Да-а, – бредя обратно к машине, размышляла Женя. – И что же теперь будет? Почему Галина Тимофеевна не предупредила меня о смене адвоката? И насколько реалистичны его «ну-ну», может он напакостить Марине или это так, пустые угрозы?»

Женя плюхнулась на нагретое солнышком сиденье машины и позвонила Галине Тимофеевне.

– Да, мы сразу отказались от его услуг после вашего совета. Но вот другого адвоката найти пока не можем, – подавленным, несчастным голосом проговорила Маринина мама. – Знаете, нанимать кота в мешке боязно, а вдруг опять жулик попадется, а из наших знакомых никто в такие ситуации не попадал и порекомендовать надежного адвоката не может. Женечка, может, вы нам кого-нибудь посоветуете, вы такой известный, опытный журналист, у вас наверняка есть связи. Деньги мы достанем, так что гонорар значения не имеет, лишь бы Мариночку выпустили. Мы даже квартиру продать согласны.

Подобная отчаянная просьба Женю, с одной стороны, испугала, с другой стороны, ей польстила, с третьей – поставила в безвыходное положение. Адвоката уволили по ее наущению, и теперь она просто обязана найти несчастным родителям нового защитника. Беда заключалась лишь в том, что никаких знакомых юристов вообще и адвокатов в частности у нее не имелось. Но сообщать сей факт и без того раздавленной Галине Тимофеевне она, разумеется, не стала.

– Я что-нибудь придумаю, – не очень уверенно пообещала Женя, но потом собралась и уже твердо и решительно проговорила: – Завтра же я вас познакомлю с порядочным и надежным адвокатом.

Галина Тимофеевна прочувствованно шмыгнула носом и сердечно ее поблагодарила.

– Добрый день, ребята! – улыбнулась толпившимся возле дежурного сотрудникам следственного комитета Женя. – Майор у себя?

– Конечно, Евгения Викторовна, поднимайтесь, пожалуйста, – вытянулся по стойке «смирно» молоденький дежурный. Остальные закивали и закланялись в знак приветствия. Женю в отделении уважали. Во-первых, потому что считали телезвездой. А во-вторых, потому что боялись грозного, сурового майора Суровцева, а майор боялся только одного человека на свете – журналистку Евгению Потапову. За что, непонятно. Журналистка была славной, маленькой, худенькой, совершенно безобидной. Но раз майор ее боялся, значит, было за что. И все сотрудники отделения единодушно, вопреки всякой логике прониклись к Жене теми же чувствами, что и майор.

– Петр Леонидович! Мне срочно нужен адвокат! Приятного аппетита, – сразу с порога взяла быка за рога Женя, отчего бедный Суровцев едва не подавился шаурмой.

Он как раз вернулся с вызова, убийство на бытовой почве, куча пьянчуг, ни одного вменяемого свидетеля, пропавшее в кутерье орудие убийства и прочие полицейские радости. Суровцев был зол, голоден и устал. Ребята купили ему в ларьке на рынке шаурму, он как раз успел вскипятить чайник и только присел за стол и раскрыл рот, чтобы вкушать заслуженный обед, плавно переходящий в ужин, как на пороге появилась Женька. Отвратительно бодрая, жизнерадостная, полная неуместного оптимизма и, как всегда, обремененная кучей проблем, которые неизбежно должны были обрушиться на майорские плечи.

– И чего ты натворила, что тебе адвокат понадобился? – нелюбезно осведомился майор, возвращаясь к поеданию сомнительного деликатеса.

– Не мне, Марине Кольцовой. Ее бывший адвокат оказался настоящим мерзавцем. Мы его уволили, – присаживаясь возле стола и стараясь глубоко не дышать, проговорила Женя. –

Слушайте, что за гадость вы едите? Она смердит, как... как не знаю что. Ее наверняка издохлых котов приготовили. Выплюньте сейчас же!

И Женя, движимая человеколюбием, попыталась отобрать у Суровцева шаурму.

– А ну не трожь, – шлепнул ее по рукам майор. – Глупая ты еще, Потапова. Не найти тебе мужика, так и знай, – отодвигаясь от нее подальше и откусывая кусок побольше, проговорил майор. – Никогда не отбирай еду у голодного мужика. Что бы он там ни ел. А по поводу адвоката, нет у меня никаких адвокатов. И в следующий раз, прежде чем в чужие дела соваться, подумай, как их расхлебывать будешь. Привет Кольцовой. – И майор демонстративно ушел в себя.

– Во-первых, попрошу без оскорблений и перехода на личности. И поклонников у меня, к вашему сведению, пруд пруди, – гордо выпрямилась на стуле Женя, никуда не собиравшаяся уходить до тех пор, пока полностью не решатся ее собственные проблемы. – А что касается вмешательства в чужие дела, меня, между прочим, попросили в них вмешаться. И я, между прочим, помогла людям избавиться от бессовестного, непрофессионального, лицемерного, равнодушного, жадного, беспринципного паразита, который хотел нажиться на чужой беде, – страстно проговорила Женя.

– Какой слог! – закатив глаза, пробурчал с набитым ртом Суровцев.

– Вы хоть мезимом эту дрянь заешьте, – снова не удержалась от комментария Женя. – А еще лучше запейте раствором марганцовки. И позвоните кому-нибудь из своих знакомых, пусть мне адвоката посоветуют хорошего.

Майор отложил шаурму и печально взглянул на журналистку красными от постоянных недосыпов, неправильного питания и скверного расположения духа глазами.

– Потапова, ну где я возьму тебе адвоката? Посмотри внимательно, где я, а где адвокаты? Позвони вон своему Труппу, он быстренько кого-нибудь найдет.

– Ага. Какого-нибудь чистоплюя, привыкшего только договора из компа распечатывать. А мне нужен настоящий, боевой адвокат, который всю жизнь в судах проводит. И срочно. Мне позарез надо выяснить, во сколько точно был убит Кольцов.

– Зачем это тебе понадобилось? – нахмурился Суровцев, настороженно вглядываясь в Женино лицо.

– Чтобы Маринино алиби установить. До меня это только сегодня дошло, после экскурсии по «Фармнексту».

– После чего?

– После экскурсии по «Фармнексту». Это крупное фармацевтическое предприятие, им покойный Кольцов руководил, и, между прочим, они сейчас разрабатывают новый эффективный препарат. В обстановке особой секретности! – понизив голос и выразительно взглянув на майора, проговорила Женя.

– Та-ак. В шпионов решила поиграть? Знаешь что, Евгения? Давай так. Я попробую отыскать Кольцовой нормального адвоката, а ты оставь это дело профессионалам. И поверь мне на слово, что алиби твоей Марины опера первым делом проверили. Так что расслабься и найди себе другое развлечение.

– Да? Когда я самоубийствами занималась, вы мне то же самое советовали. А что вышло? А! – разыграла Женя козырную карту.

Суровцев сразу же сник и потянулся к телефону.

– В каком районе убили Кольцова? – тоскливо спросил он, держась за телефонную трубку.

– На Невском где-то, – растерялась от неожиданного вопроса Женя.

– Значит, в Центральном, – кивнул Суровцев. – Значит, там и суд будет проходить. Значит, там и адвоката надо искать.

– Почему? – полюбопытствовала Женя.

– Потому, что адвокат должен хорошо знать судей.

– Чтобы взятку дать? – с пониманием кивнула Женя.

– Ну, Потапова, ты, ты... Не буду я никого тебе искать! Ты меня только опозоришь перед коллегами и вообще на весь город. И перессоришь со всеми.

– А что я такого сказала? – пожала плечами Женя, но, взглянув на Суровцева, решила не упираться, а то и правда без адвоката оставит. – Ну, ляпнула глупость, больше не буду. Честное слово. Это я после общения с Зайчиком так рассуждать стала.

– С каким зайчиком?

– Адвоката так звали. Звоните, не отвлекайтесь. Я больше не буду. Честное слово, – поторопила Женя майора.

Тот недовольно крикнул, но номер все же набрал.

– Николай Петрович, здорово, Суровцев беспокоит. Как дела идут? Давненько мы не встречались. – Покивав и повздыхав минут десять, Суровцев, наконец, счел ритуал завершённым и перешел собственно к вопросу. – Николай Петрович, тут такое дело, у знакомых неприятности, родственник замешан в деле об убийстве, нужен хороший адвокат, дело рассматриваться будет в Центральном районе, никого не посоветуешь?

– Нет, нет. Никуда вмешиваться не надо. Пусть ребята спокойно работают. Мне только адвоката, – после некоторой паузы торопливо заговорил Суровцев.

Сообразив, о чем идет речь, Женя тут же затрясла головой и, вытаращив глазищи, зашептала громким шепотом:

– Надо вмешиваться! Надо! – Но Суровцев только грозно сверкнул глазами и сделал знак закрыть рот на ключ.

– Ага, записываю, – закивал он невидимому Николаю Петровичу. – Ага. Ну, спасибо. Звони, если чего. Супруге привет. – Потом сложил руки на столе и, грозно взглянув на Женю, спросил: – Ответь мне, Потапова, ты хочешь честное расследование для эфира провести или знакомую отмазать?

Женя озадаченно вытаращилась на майора.

– Ответ ясен, – произнес тот. – На вот тебе, держи номер телефона. Скрябин Владимир Александрович, адвокат. Скрябин? Знакомая фамилия, – почесал макушку майор.

– Композитор был такой известный, – подсказала Женя, подтягивая к себе бумажку.

– А-а, ну да, – многозначительно кивнул Петр Леонидович, но озадаченное лицо его сообщало, что о композиторах Скрябиных он отродясь не слыхал. – Ты телефон давай записывай, не отвлекайся. Скажешь ему, что от Курочкина Николая Петровича. Ну, готово?

Женя кивнула и засунула в сумку смартфон.

– Ну, все, топай. Хоть поем спокойно, – подтянул к себе остывшую, неаппетитную шаурму майор.

– Про мезим не забудьте, – бросила ему в дверях на прощание Женя.

Глава 5

Адвокату Скрыбину Женя решила сама не звонить, а просто передать его контактные данные Галине Тимофеевне и впредь постараться не вмешиваться в их взаимоотношения, а мнение свое о чужих адвокатах держать при себе до крайнего случая.

– Жень, привет! Как дела, какие планы на выходные? – Она тихо дремала на диване возле телевизора, и Лизин бодрый, наполненный оптимизмом голосок ворвался в ее сонную квартиру резким болезненным диссонансом.

Корнишон проснулся, завозился у Жени на коленях и, потягиваясь, вонзил когти в ее ногу.

– Ой! Нормально у меня дела, – слюнявя палец и замазывая тонкие длинные царапины, проворчала Женя. – А при чем здесь выходные?

– Ну как? Ты разве забыла? Платон хочет с тобой познакомиться. Вот мы с Пашей и подумали, а что, если в выходные в ресторан сходить? У нас как раз дата круглая. Семь лет знакомства.

Лиза была школьной Жениной подругой, работала стоматологом и имела мужа, работавшего в крупной компании, то ли занимавшейся транспортными перевозками, то ли перегрузками. Женю этот вопрос никогда особо не интересовал. Вообще, у Жени имелись две подруги. Ольга – сотрудница прокуратуры, волевая, энергичная и лишенная «глупых романтических задвигов», и Лиза – мягкая, душевная, обожающая свадьбы, романы и озабоченная неустроенной Жениной личной жизнью. С тех пор как Женя полгода назад рассталась с «любовью всей своей жизни» Владиком Корытко³, Лиза неустойчиво пыталась подыскать ей кого-нибудь достойного.

– Лиз, у меня сейчас времени нет. Мне передачу надо готовить, – проныла Женя, не чувствуя в себе никакого энтузиазма. – И потом, неудобно это. А если мы друг другу не понравимся? А придется целый вечер сидеть друг на друга тарашиться, вам вечер испортим.

– Никакого неудобства, – весело прочирикала Лиза. – Кроме вас еще одна пара будет. Точнее, не пара, а просто двое наших знакомых. Не понравится Платон, значит, не судьба. Но ты хоть попробуй, – умоляюще протянула Лиза. – И Павел тебя очень просит.

– Павел? – насторожилась Женя. Разговоры о некоем Платоне назойливо велись уже две недели. – А ему-то что?

– Как что? Он уже не знает, что Платону говорить, почему ты встречаться отказываешься, – пожаловалась Лиза.

– Не знает, что говорить? – Женя окончательно проснулась и выбралась из-под одеяла. – Лиза, говори сразу, что вы там задумали и почему этот неизвестный Платон так жаждет со мной познакомиться, и почему Павлу это так вдруг понадобилось?

– Да не почему, – тут же пошла на попятный уловившая Женино настроение Лиза. – Просто он как-то сказал на работе, что ты моя подруга, вот Платон и попросил познакомиться.

– И вам с Павлом так захотелось оказать ему эту пустяковую услугу, что вы даже согласны четверых человек за свой счет в ресторан сводить? – усмехнулась Женя.

– Ну, во-первых, платит Платон... – простодушно начала объяснение Лиза.

– Платон? С чего бы это? Кто он такой и зачем я ему понадобилась? Он что, маньяк какой-то? – едва не подавилась она словами. – Лиза, говори честно, что все это значит? Что этому Платону от меня надо, и вам заодно с ним?

– Жень, да успокойся ты. Просто хочет с тобой познакомиться. Ты же у нас теперь знаменитость, телезвезда. Вот ему и не терпится. Может, он тебя по телику увидел и влю-

³ Эта история рассказана в книге Юлии Алейниковой «Кара Божия».

бился, – устало вздохнув, проговорила Лиза. – А Пашка ему пообещал, вот теперь и отдувается. А уж ты себе напридумывала!

– Ага, – нахмурилась задумчиво Женя. – А Платон – Пашкин начальник, вот бедный Павлик и не знает, как ему теперь выкручиваться? – закончила она свою мысль.

– Ну да, – радостно согласилась Лиза. – Ой.

– Ой, ой, ой, – передразнила ее Женя. – Знаешь, Лиза, надо бы проучить вас и ни с каким Платоном не знакомиться, но в память о нашей дружбе...

– Женька, ты прелесть!

– Не радуйся раньше времени. Познакомиться, так и быть, познакомлюсь, но на большее не рассчитывай. Я не собираюсь вам в угоду крутить роман неизвестно с кем. У меня, может, свои планы и принципы, – строго закончила она.

– И не надо! – страшно обрадовалась Лиза. – Не понравится, и не надо. Это ваше с Платоном личное дело.

Уже их с Платоном, вешая трубку, отметила про себя Женя.

К новому адвокату она не поехала, справедливо рассудив, что тому нужно время, чтобы познакомиться с делом, Мариной и заключить договор с родственниками. А решила заняться разработкой наметившейся версии о промышленном шпионаже. К тому же с утра позвонила Светлана Яновна и предложила Жене выбрать удобное время для встречи с руководством компании. «Куй железо, пока горячо», – решила журналистка и немедленно отправилась в «Фармнект».

– Добрый день, Евгения Викторовна. – На этот раз Женю встречали. Светлана Яновна ожидала ее на проходной, как обычно подтянутая и отполированная, ни складочки, ни пятнышка. – Александр Прокофьевич вас ожидает.

– А кто это? – с интересом спросила Женя.

– Исполнительный директор, Логунов Александр Прокофьевич, – доброжелательно пояснила пресс-секретарь.

– Да-а, – разочарованно проговорила Женя. – А я рассчитывала на встречу с генеральным, Кольцов, кажется.

Светлана Яновна заметно побледнела, но быстро взяла себя в руки.

– Сергей Владиславович недавно скончался, а нового гендиректора пока не назначили.

– Надо же. Я его видела на вашем сайте в Интернете, вроде не старый еще. Инфаркт, наверное? – проявила умеренное участливое любопытство Женя.

– Гм, – стараясь закрыть поскорее неприятную тему, промычала Светлана Яновна. – Но вы не переживайте, Александр Прокофьевич Логунов работает в нашей фирме с самого основания, как никто знает все производство и ответит на любые ваши вопросы.

– Было бы неплохо, – буркнула себе под нос Женя, размышляя вовсе не о тонкостях таблеточного производства.

Александр Прокофьевич ожидал Женю в кабинете. Он тут же велел секретарше принести кофе, Светлану Яновну отправил восвояси. И только оставшись с гостем наедине, обратил на Женю свое полное и весьма пристальное внимание.

– Итак, Евгения Викторовна, рад познакомиться.

Александр Прокофьевичу никак не могло быть больше сорока, а выглядел он так и вовсе на тридцать семь. Подтянутый брюнет, с тонкими усиками, легкой усмешкой коварного искусителя и пристальным взглядом темно-карих глаз, он произвел на Женю ошарашивающее впечатление, она даже забыла на пару минут, зачем пришла. А когда очнулась, первое, что сделала, это одернула юбку и поправила прическу, ища при этом глазами зеркало.

Ну и типы трудятся нынче в фармакологии, не какие-нибудь ботаны, подумала она про себя, пытаясь справиться с глупым, неуместным волнением. Вот уж правду говорят,

что есть женщины, которые всегда и при любых обстоятельствах прежде всего женщины, и есть мужчины, которые любую женщину заставляют вспомнить о том, что она прежде всего женщина, невзирая на возраст и внешность.

– Евгения Викторовна, что привело в наши скромные пенаты гордость петербургской тележурналистики и просто неотразимую красавицу? – наливая кофе из изящного кофейника и не отрывая взгляда от Жени, поинтересовался Логунов.

Женя уже в который раз порадовалась, что в расчете на встречу с важным начальством надела сегодня не джинсы, а элегантный костюм, причем с юбкой, и туфли на каблучке, которые удачно подчеркивали стройность и изящество ее ножек. В противном случае ей пришлось бы гадать, является ли комплимент господина Логунова искренним или продуманным унижительным лукавством.

– Надеюсь, наше предприятие ни в чем незаконном замечено не было и не является предметом вашего журналистского расследования?

Кажется, Александр Прокофьевич проявил здоровую бдительность и потрудился выяснить, что именно за журналистка жаждет встретиться с ним. Похоже, он не только неотразим и галантен, но еще умен и предусмотрителен, со смешанным чувством удовлетворения и разочарования отметила Женя. Выудить у такого нужную информацию будет непросто.

– Ну что вы. Ваше предприятие, насколько мне известно, является одним из лидеров фармакологического производства и скорее является образцом для подражания, чем объектом исследования, – умышленно польстила она принимающей стороне. – Хотя в чем-то вы правы, сейчас мы готовим передачу, посвященную отечественной фармакологии, но нам нужны не только преступники, но и положительные примеры. А также хотелось бы получить максимально полное представление о том, как должно работать современное, высокотехнологичное, добросовестное производство, – по возможности убедительно проговорила Женя, при этом совершенно непроизвольно стреляя глазами в импозантного Александра Прокофьевича и умирая от стыда за собственное глупое, несолидное поведение.

«Гормоны, чтоб их!» – заливаясь румянцем, скрипнула она зубами.

– Ну, в таком случае вы, безусловно, обратились по адресу, – словно не замечая смущения собеседницы, проговорил Логунов. – Что именно вы хотели бы узнать? Ведь насколько я понимаю, Светлана Яновна уже провела с вами подробную экскурсию по предприятию?

– Вообще-то меня интересуют ваши новые разработки. Светлана Яновна почему-то не захотела развивать эту тему, а возможно, они просто находятся вне пределов ее компетенции, – максимально весомо и солидно проговорила Женя. – Или это является служебной тайной, разгласив которую сотрудник должен будет умереть?

– Ну что вы. Разумеется, я с удовольствием расскажу вам о наших исследованиях, хотя и без излишних научных подробностей, – подливая ей кофе, улыбнулся Логунов. – Сейчас в нашей лаборатории проводятся исследования, возможно, выходящие за грани фармацевтики, но тем не менее непосредственно связанные с нею. Эти исследования помогут нам в дальнейшем расширить сферу деятельности и интересов нашего предприятия, – откинувшись на спинку кресла, мгновенно посерьезнев, проговорил Александр Прокофьевич. – Вам что-нибудь известно об амилоидных белках?

– Нет, – включая диктофон, призналась Женя.

– Амилоиды – это белки, образующие стабильные упорядоченные агрегаты, обогащенные бета-слоями. Амилоидные белки вызывают целый ряд летальных патологий у человека, среди которых диабет второго типа, болезнь Альцгеймера, болезнь Паркинсона и хорея Хантингтона. Ежегодно от данных заболеваний погибает до пяти миллионов человек. Существует также особая группа амилоидов, называемая прионами. Прионы, в отличие от обычных амилоидов, обладают инфекционными свойствами. У человека известен только один прионный белок – PrP, однако его значение трудно недооценить. Этот белок в прионной

изоформе вызывает целый ряд неизлечимых нейродегенеративных амилоидозов (болезнь Кройцфельда-Якоба, синдром Герстмана-Штраусслера-Шейнкера, летальная наследственная бессонница). Таким образом, амилоиды в целом, а также прионы, как специфическая подгруппа амилоидов, имеют крайне важное значение не только в биологии, но и в медицине. Я не очень сложно излагаю, вам понятно? – неожиданно улыбнулся Александр Прокофьевич.

– Кое-что, – неопределенно взмахнула рукой Женя. – Но вы можете продолжать.

– Хорошо, – постаравшись сдержать легкую улыбку, согласился Логунов. – Итак. Нашей целью является создание технологии идентификации амилоидов, пригодной для выявления минорных белков в физиологических условиях. Проведение экспериментальной апробации разработанной технологии. В настоящее время существует очевидная проблема недостаточной проработанности методической базы исследования амилоидов и прионов: существующие методы позволяют анализировать данные белки только в индивидуальном порядке, используя иммунохимические подходы, изменение уровня экспрессии или системы *in vitro*. В связи с этим возникла необходимость разработки инновационной технологии, которая бы позволила осуществлять быстрый скрининг всего клеточного протеома на предмет наличия в нем прионов и амилоидов. В рамках данного проекта создается технология идентификации амилоидных белков, решившая проблему выявления минорных белковых фракций, – увлеченно рассказывал Александр Прокофьевич до тех пор, пока внимательно не взглянул в затуманенные глаза своей слушательницы. – Впрочем, это все ужасно скучно и мало кому понятно кроме узкого круга специалистов. Главное же состоит в том, что наше исследование поможет в своевременной и правильной диагностике этих сложных заболеваний и их дальнейшем лечении.

– Здорово, – искренне и восхищенно кивнула Женя, у которой из всего рассказа в голове отложились только белки, пять миллионов и болезнь Альцгеймера, о которой она имела весьма смутное представление. Кажется, ею болел один голливудский актер, он не узнавал родных и все время забывал текст. Наверное, это ужасно. Надо будет обязательно добраться до компьютера и не спеша разобраться во всем, что ей так старательно рассказывал неотразимый Александр Прокофьевич. А еще желательно каким-то образом перевести беседу на покойного Кольцова, а то она и так уже почти забыла, зачем явилась в этот загадочный мир микстур и таблеток. Но Александр Прокофьевич сам разрешил ее затруднения раньше, чем Женя успела собраться с мыслями.

– Евгения Викторовна, у меня родилась интересная мысль, а что, если нам продолжить беседу в более непринужденной обстановке? На обед я вас, к сожалению, пригласить не могу, поскольку сегодня из-за плотного графика остаюсь без обеда, зато с удовольствием приглашаю вас на ужин. Вы какую кухню предпочитаете, французскую, итальянскую, японскую?

– Китайскую, – ляпнула, не подумав, Женя, совершенно не переносившая сырую рыбу и не доверявшая «псевдояпонским» поварам местного разлива.

– Китайскую? Подойдет, – лучезарно улыбнулся Александр Прокофьевич, вероятно сочтя Женин комментарий за твердое согласие на ужин. – Куда мне за вами заехать?

Растерявшаяся от такого незатейливого напора, журналистка послушно продиктовала домашний адрес.

– Отлично, в восемь я у вас! – поднимаясь, он наградил Женю пронизывающим, буквально прожигающим до костей взглядом и тут же крепко сжал ее локоть. Вероятно, чтобы бедняжка смогла удержаться на подкосившихся от слабости ногах.

Опасный тип, пытаюсь справиться с головокружением, решила Женя и наконец-то покинула его кабинет.

Светлана Яновна появилась в просторной приемной одновременно с ней и тут же спросила ее с противной, определенно издевательской улыбкой:

– Ну, как прошла встреча, Александр Прокофьевич не разочаровал вас? Интервью получилось интересным?

Пытливый взгляд, которым окинула ее пресс-секретарь, и определенно звучащая в голосе ехидца помогли Жене встряхнуться, и она ответила барышне строгим, лишенным всякой фривольности голосом:

– Да, благодарю. Теперь я получила полную картину деятельности вашего предприятия. – И, развернувшись на каблуках, твердой поступью двинулась на выход.

Глава 6

Встреча с Логуновым произвела на Женю неизгладимое впечатление, а потому всю дорогу до редакции она могла размышлять только о красавце фармацевте, особенно в свете предстоящего свидания. Сперва Женя вспоминала его глаза, манеры, взгляды, замечания, выбирала платье для предстоящего вечера, но, в конце концов, мысли ее вернулись в рабочее русло.

Логунов, по Жениному разумению, был не просто бабником, но еще и образованным, компетентным, умелым руководителем. Он занимал высокий пост в крупной компании, а значит, был умен, энергичен, напорист и целеустремлен, а еще, судя по образу жизни и отсутствию семьи и детей, эгоистичен, избалован и самоуверен. Подобная комбинация качеств при определенных обстоятельствах вполне могла толкнуть его на убийство.

Например, если Логунову очень чего-то хотелось, а Кольцов мешал ему в достижении цели, Логунов вполне мог пойти на убийство. И неважно, о чем шла речь – о должности или о женщине. Последняя мысль показалась Жене весьма продуктивной, потому что перспектива разоблачения знойного красавца фармацевта представлялась ей весьма заманчивой. На лице даже появилась некая двусмысленная легкая улыбка, соблазнение соблазнителя, тонкая, полная страсти игра на лезвии бритвы. Ах, какой волнительный огонь пробежал по венам, как настороженно раздулись ноздри, сузились глаза, напряглись мышцы. Женя ощутила себя пантерой перед прыжком, гибкой и сильной, Клеопатрой, готовящейся завоевать Цезаря, Суламифью, Мессалиной, Мата Хари... Эти высокомерные, самонадеянные мысли были прерваны раздраженными сигналами стоящих позади машин. Оказывается, она так замечталась, что пропустила зеленый сигнал светофора. Женя встряхнулась и благополучно миновала перекресток.

«Так, – продолжила Женя, вновь взяв себя в руки. – Светлана Яновна говорила, что и Кольцов, и Логунов работали в фирме с момента ее основания, причем в тех же самых должностях. Но в таком случае, если у них и был производственный конфликт, с должностью он связан явно не был. Тогда с чем? Различные пути развития предприятия? Переоборудование производства? – фантазировала она. – Нет. Полная глупость. Скорее уж какая-то растрата, или, возможно, кто-то из соучредителей был недоволен Кольцовым и хотел сместить его с должности, и Логунов ему подыгрывал?»

Увы, она была не сильна в подобных вопросах, нужно будет найти толкового информатора в «Фармнекте».

Остаются личные мотивы. Учитывая, что Кольцов ушел от жены, таковые вполне могут быть. А что, если Кольцов отбил у Логунова женщину? Для такого уверенного в себе человека, как Логунов, это могло быть ощутимым ударом по самолюбию. Пожалуй, в этом направлении стоит покопаться, оживилась Женя. И кстати, надо обязательно выяснить, была ли у Кольцова любовница и кто она. Мужики так просто из семьи не уходят. Ну и остается промышленный шпионаж, вернулась она к давней версии.

«Кольцов был генеральным директором и наверняка лично никаких расследований не вел, на то имеется служба безопасности. А в таком случае, если в компании был выявлен шпион или утечка информации, об этом факте должен был знать не только Кольцов, но и глава отдела безопасности, значит, убийство одного Кольцова вопроса не решало, – нахмурив от мыслительных усилий лоб, размышляла Женя. – Если только этим засланным казачком не был кто-то из руководства и не сам Кольцов его вычислил. Но и в этом случае он не стал бы тихо шептать на ушко предателю «я тебя вычислил», а собрал бы, наверное, совет директоров и разоблачил мерзавца. Но раз так, никакого смысла в убийстве Кольцова не было. Похоже, версия со шпионажем совершенно не состоятельна».

«В любом случае, этот вопрос можно будет обсудить с Логуновым». – Так в качестве отвлеченных рассуждений Женя вновь вспомнила фармацевта-искусителя и испугалась, а сможет ли она вообще соображать в его присутствии. Вечер перед свиданием она посвятила аутотренингу, страстно надеясь, что он подействует.

В восемь вечера кавалер, как и обещал, ждал Женю у подъезда. Свежевыбритый, благоухающий дорогим парфюмом, с трогательным букетиком ландышей в крепких, мускулистых, но холеных и ухоженных руках. Женя едва сдержалась, чтобы не застонать. Какой мужик!

Бабник и искуситель, тут же строго напомнила она себе и, взяв букет, сдержанно поблагодарила.

Сама она тоже была ничего. В алом платье по фигуре, на сногшибательных шпильках, в элегантном кашемировом жакете.

Поездка в роскошной машине до ресторана заняла не больше мгновения, она еле успела дыхание перевести.

Александр Прокофьевич прислушался к пожеланиям своей дамы и привез ее в роскошный китайский ресторан, с красно-золотой гаммой отделки, черной лаковой мебелью, резными драконами и прочей этнической атрибутикой. В зале было чисто, прохладно, играла негромкая китайская музыка. Женя в этом ресторане раньше не бывала.

Начало вечера, несмотря на старания красавца фармацевта, прошло в атмосфере некой натянутости. Женя ужасно нервничала, боялась попасть под чары неотразимого кавалера, а потому была скована, холодна и неприветлива, а в беседе строго придерживалась производственной тематики. Впрочем, после подачи блюд и их дегустации она немного оттаяла, и Александру Прокофьевичу удалось, наконец, растопить лед в сердце своей неприступной дамы, заслужив несколько одобрительных улыбок и даже комплимент выбранному им ресторану.

– А вы бывали когда-нибудь в Китае? – вел легкую непринужденную беседу Александр Прокофьевич.

– Нет. Не довелось. И если честно, я побаиваюсь азиатских стран. Мне отчего-то кажется, что там царит жуткая антисанитария и каждый приезжающий рискует подхватить какую-нибудь заразу вроде холеры или тифа. Скорее всего, это простая фобия, внушенная телевидением. Глупые предрассудки. И вообще, жителю нашего неидеального государства вряд ли пристало быть столь придиричивым. Думаю, что путешествие в нашу страну вызывает у жителей развитых стран не меньше опасений, чем поездка в Китай, – пожала она плечами, уплетая с аппетитом рыбу в кисло-сладком соусе.

– Вы правы. К тому же Китай большая страна, и, безусловно, там есть бедные, отсталые районы, но вот, например, в Пекине, или Шанхае, на мой взгляд, нечего опасаться, впрочем, как и на популярных курортах. Хотя, конечно, и там стоит проявлять бдительность и не отходить далеко от туристических маршрутов. Хотя и это вам ничем не грозит. На мой взгляд, китайцы вполне дружелюбны и гостеприимны.

– Вы были в Китае? – с интересом приподняла бровь Женя, которая уже немного привыкла к обществу Александра Прокофьевича и перестала болезненно реагировать на его взгляды и попытки ухаживания. Он все больше интересовал ее как личность.

– Да, несколько раз, – согласно кивнул кавалер, не забывая ухаживать за своей дамой. – Первый раз это была деловая поездка, мы изучали возможность переноса части производства в Китай, а два следующих раза я ездил просто на отдых.

– А что с производством? Вам удалось открыть там предприятие? – ухватила за идеальную возможность перевода беседы в интересующее ее русло журналистка.

– Нет. Мы отказались от этой идеи. Слишком много минусов, – покачал головой Логунов.

– А большая делегация туда ездила? – забросила пробный шар Женя.

– Нет, только мы с генеральным и нанятый для этой цели референт, – не ожидая никакого подвоха, пояснил Александр Прокофьевич.

– Генеральный директор? Тот, которого недавно убили? – разыгрывая полнейшее простодушие, поинтересовалась девушка.

– Вам и об этом уже известно? – стрельнув в нее глазами на поражение, спросил Логунов. Если бы не важность цели, Женя после такого взгляда забыла бы на ближайшие сутки не только кто такой Кольцов, но даже имена собственных ближайших родственников. Кровь в ней забурлила и прилила к голове, потом, наоборот, резко отхлынув, заставила бешено биться сердце. А тут еще коварный фармацевт, искуситель, воспользовавшись полной потерей ориентации своей дамы, взял ее нежно за руку и, едва касаясь губами, поцеловал кончики ее пальцев, еще больше дезориентировав бедняжку.

– Какие у вас хрупкие, нежные пальчики, – томно вздохнул он, не спуская глаз с Жениной руки. – Словно у маленькой принцессы.

– Музыкой в детстве занималась, – хриплым от волнения голосом едва выговорила она, пытаясь прийти в себя.

«Боже мой, какие у него резкие выражи, голова просто кругом, – пытаюсь дышать ровно, размышляла Женя. – И что это он так неожиданно темы меняет? Еще парочка таких поворотов, и я сама не замечу, как окажусь у него в койке».

Но что-то вдруг заставило ее забыть о жарких перспективах и сосредоточиться на предыдущей мысли. А что это у него такие резкие повороты? Именно! Стоило ей коснуться покойного Кольцова, как он тут же перешел в атаку. И ведь наверняка прекрасно осведомлен о производимом им на женщин эффекте!

Женя внутренне собралась, но руки у Александра Прокофьевича отнимать не стала. А сделав вид, что все еще находится под действием его чар, спросила томным голосом, взглянув на визави затуманенными взором:

– А вы в детстве чем увлекались? У вас такие сильные, красивые руки, с такими руками можно стать хирургом или музыкантом, – мечтательно проговорила она, словно неосознанно глядя пальчиками его ладонь.

– В детстве я увлекался фехтованием. Даже участвовал в юношеских международных турнирах, – переплетя собственные пальцы с Жениными и нежно сжимая их, произнес Логунов, умышленно не глядя на собеседницу, а продолжая рассматривать ее руки.

Опаньки! А Кольцова-то, между прочим, зарезали ножом. Не рапира, конечно, и не шпага, но все же холодное оружие. Женя едва не подпрыгнула на стуле, но сумела совладать с собой и почти прошептала:

– О, настоящий *Le Chevalier sans peur et sans reproche*⁴.

– Вы знаете французский? – тут же откликнулся на ее замечание Логунов.

Жене в эти минуты казалось, что их столик отделен от остального зала искрящейся, пощелкивающей от сексуального магнетизма завесой, зыбкой и непреодолимой. А потому сильно удивилась, увидев подошедшего к столику официанта с каким-то блюдом в руках.

– Утка по-пекински, – безучастно проговорил официант, устанавливая на столе блюдо.

Женя тут же воспользовалась моментом, разыграла выход из транса и проговорила обычным, может, слегка смущенным голосом:

– Так что же случилось с господином Кольцовым? Хулиганское нападение или бандитская пуля? – И без всякого аппетита отправила в рот кусок утки.

На лицо Логунова легли легкие тени досады и разочарования.

⁴ Рыцарь без страха и упрека (*фр.*).

– Женечка, что вам этот Кольцов? Лучше расскажите о себе, – просительно протянул Александр Прокофьевич, пытаясь вновь создать интимную атмосферу, но Женя ему этого не позволила.

– Разумеется, мне это интересно, и как женщине и как журналистке. Так что с ним стряслось? Происки конкурентов, передел рынка? – подкладывая себе баклажанов, бодро сыпала вопросами она, продумывая дальнейшую тактику ведения допроса.

Логунов протяжно вздохнул, потом улыбнулся и ответил:

– Никаких конкурентов. Все очень банально. Убийство на бытовой почве. – И он тоже вернулся к еде.

– Убийства на бытовой почве случаются, как правило, в коммунальных квартирах, многочисленных семьях, проживающих на тесной жилплощади, и в пьяных компаниях, – назидательно проговорила Женя с легкой усмешкой, мол, не держите меня за дурочку. – Сомневаюсь, чтобы ваш Кольцов проживал в коммуналке с многочисленными родственниками и воевал с подвыпившими соседями.

– А вы, Женечка, тонкая штучка, – заметил с улыбкой Александр Прокофьевич. – И кстати, давайте без отчеств, мы с вами не на официальной деловой встрече, к чему нам этот официоз?

– Принимается, – милостиво кивнула она. – Так что с Кольцовым?

– О, женское любопытство! – благодушно усмехнулся Логунов. – Хорошо. По большому секрету и не для печати. – Он картинно строго нахмурил брови. – Полиция подозревает в убийстве жену, кажется, у них в последнее время не ладились отношения, и вроде бы даже все шло к разводу.

– Ну, если так, в этой истории, несомненно, должна быть и третья сторона. *Cherchez la femme*⁵, как говорят французы.

– Вы оканчивали французскую школу? – еще раз полюбопытствовал Александр Прокофьевич.

– Не все, кто цитирует латынь, ее изучали, – досадуя на провал в собственном образовании и склонность к расхожим цитатам, попыталась отшутиться Женя. – Так женщина была?

– Не исключено, – пожал плечами Логунов. – Я не был посвящен в личную жизнь Кольцова.

А вот и врешь, злорадно заключила она, мужики такие же сплетники, как и женщины, и наверняка кое-что тебе известно, если не все.

– Александр Прокофьевич... – ласково начала Женя.

– Просто Александр, еще лучше Саша, – поправил ее Логунов.

– Хорошо. Александр, позвольте вам не поверить. Сколько у вас руководителей высшего звена в фирме? – откидываясь на спинку кресла, спросила она. – Кольцов, вы, финансовый директор и, вероятно, директор по маркетингу. Я никого не забыла?

– Нет, – с улыбкой подтвердил Логунов.

– Вы ежедневно видите на работе, обсуждаете проекты, строите планы, совещаетесь, иногда вместе обедаете, бываете на корпоративах, переговорах и ничего не знаете о жизни друг друга? – лукаво улыбаясь, недоверчиво покачала головой журналистка.

– Женечка, вы как-то неправильно представляете себе руководство компанией, – снисходительно улыбаясь, проговорил фармацевт. – Каждый из нас руководит собственной сферой деятельности, имеет свои обязанности и решает собственные рабочие вопросы. Конечно, у нас бывают совещания, и общие встречи, и прочие мероприятия, но, поверьте мне, все мы, и в особенности Сергей Владиславович, я говорю о Кольцове, очень заня-

⁵ Ищите женщину (*фр.*).

тые люди. Все наше общение ограничивается рабочими вопросами. Ну, не считая, конечно, дежурного обмена любезностями. Типа, как твои? Тесть выздоровел? Как Новый год отметили и так далее. Но никто в чужую жизнь влезать не хочет, всем своих забот хватает. К тому же такому руководителю, как Кольцов, вовсе необязательно проводить сутки в рабочем кабинете, и помимо «Фармнекта» у него были и другие финансовые интересы, которые тоже требовали его внимания, я уж не говорю о том, что многие вопросы можно решать и по телефону.

– А какие еще финансовые интересы имелись у Кольцова помимо «Фармнекта»? – с искренним неподдельным интересом спросила Женя.

– Ну, например, его клиника, – пожал плечами неспешно потягивающий вино Логунов.

– Его клиника? – в безмерном удивлении переспросила девушка.

– Ну, да, – согласно кивнул он. – У Кольцова имеется собственная клиника эстетической хирургии. Вы не знали?

– Нет. Я же не Кольцовым интересовалась, а вашим фармацевтическим предприятием, – очень удачно нашлась Женя.

– Кольцов начинал свою карьеру пластическим хирургом, потом открыл свою клинику, а уже после появился «Фармнект». Кстати, первоначально наша компания специализировалась на производстве имплантатов для пластической хирургии. Причем высококачественных. Это уже значительно позже компания расширилась и превратилась в полномасштабное фармацевтическое предприятие.

– То есть господин Кольцов, имея медицинское образование, сумел открыть собственную клинику, а потом по совместительству устроился директором в компанию, производящую имплантаты? – решила уточнить Женя.

– Нет. Кольцов является соучредителем «Фармнекта», – поправил ее Логунов.

– А своей клиникой тоже он сам руководил?

– Нет, в клинике имеется собственное руководство. Хотя в последнее время он уделял клинике большое внимание.

– Почему? – тут же встрепенулась она.

– Точно не знаю. Возможно, планировал расширение профиля или открытие нового филиала. В отличие от Кольцова, я не имею к клинике никакого отношения.

– Хм. Странная всеядность. Он и хирург, и фармацевт, и имплантаты выпускает, и какое-то новое медицинское оборудование разрабатывает. Не многовато для одного человека? И где он на все деньги берет? – почти возмущенно спросила Женя, впечатленная деятельной личностью господина Кольцова.

– Знаете, Женечка, как говорят? Талантливый человек талантлив во всем. Приведу вам понятный для прекрасного пола пример, – добродушно улыбаясь, наклонился к ней Логунов, вновь заглядывая в глаза одурманивающим взглядом. – Представьте себе талантливого сапожника или лучше портного. Он шьет прекрасные платья, у него много клиентов, он любит свою работу, гордится ею и не желает ничего больше. А есть другой, например Коко Шанель, – Женя просто-таки вытаращила глаза от изумления, – ну бросьте, Женечка, великую мадемуазель знают все, даже мужчины.

Гм. Особенно бабники, прокомментировала про себя, Женя.

– Так вот. Таким людям недостаточно просто хорошо шить. Им хочется большего. В итоге один умирает, оставив после себя швейную машинку и добрую память, а другой создает не просто наряды, а моду, диктует стили и направления. И оставляет после себя прославленный Модный дом, производящий, помимо платьев, духи, аксессуары, шляпки и прочее в том же духе. Дом, который процветает и после его смерти и увековечивает имя своего основателя в истории, – не переставая сверлить Женю пристальным, полным желания взглядом, легко развивал свою мысль Александр Прокофьевич. – Сергей Кольцов был предста-

вителем последней породы. Крайне редкой и особо ценной. Ему мало было быть прекрасным успешным хирургом или заводчиком, ему хотелось усовершенствований, перемен и новых рубежей. Так открылась клиника. Отчасти на его сбережения, отчасти на кредитные деньги. Освоив этот рубеж, Кольцов захотел двигаться дальше. Все закономерно.

– А вы? – задала бестактный вопрос Женя.

– А я довольно заурядная личность, хотя и считаю себя талантливым администратором, – притворно сожалеюще вздохнул Логунов, явно рассчитывая на сочувствие и протесты.

Не дождался. Журналистка была слишком поглощена осмыслением полученной информации.

– Вы тоже являетесь соучредителем «Фармнекта»? – на всякий случай решила уточнить она.

– Увы, Женечка, я всего лишь наемный служащий.

– Гм. И все равно странно, что, работая вместе, вы не были знакомы с женой Кольцова, – пытаясь переварить полученные сведения, пожала плечами она и незаметно включила под столом диктофон. Кто его знает, сколько еще всего ей предстоит услышать, а она уже сейчас боится запутаться или забыть что-то важное.

– Ну, почему же. Я знал Марину, хотя и не очень близко, – удивленно ответил Логунов. – Марина – жена Кольцова. Как вы справедливо отметили, мы действительно время от времени посещали мероприятия, на которые принято приходить с женами.

– Да? И с кем приходили вы? – не смогла сдержать ехидного вопроса Женя.

– Сейчас безмерно сожалею, что не с вами, – виртуозно выкрутился Логунов и вновь завладел ее рукой, отчего Женин мыслительный процесс тут же сделал несколько холостых оборотов.

– А что она за женщина, жена Кольцова? – постаралась взять себя в руки журналистка и не обращать внимания на разбегающиеся во все стороны по телу будоражащие, энергетические потоки, вызываемые легкими, едва уловимыми прикосновениями к ее ладони горячих, словно заряженных невидимой магией пальцев.

– Женечка, почему вас это так волнует? – переходя на чувственный полусшепот, спросил Логунов. Ужин подходил к концу, и, вероятно, фармацевт-искуситель уже начал готовить плацдарм для дальнейшего наступления.

– Мне чисто по-женски интересно, какой же должна быть жена у столь неординарного человека. К тому же ее обвиняют в убийстве, – в тон Логунову ответила Женя, при этом не дав сбить себя с курса.

– Жены таких ярких личностей, как правило, бывают двух типов. Серые мышки, готовые полностью раствориться в своем незаурядном муже. Или же наоборот, личности яркие и не менее замечательные. Марина, как мне кажется, относилась к первому типу. Ничего выдающегося я в ней не замечал.

– Она была домохозяйкой и занималась детьми? – продолжила копать благодатную почву Женя, вечер с фармацевтом удался во всех отношениях.

– Детей у них не было, а Марина, как мне кажется, где-то работала. Вероятно, просто от скуки. Денег им хватало.

– Не было детей? – переспросила мгновенно забывшая о флирте Женя. – Кому же достанутся его клиника и компания? – Как она могла раньше не задаться этим очевидным, таким существенным, если не сказать ключевым, вопросом.

– Не знаю, – не менее удивленно пожал плечами Логунов. – Я об этом как-то не задумывался.

– Но ведь должны же быть у Кольцова какие-то родственники, родители, братья, сестры? – продолжала по инерции вслух рассуждать Женя.

– Ну, разумеется, кто-то, наверное, есть. И, в конце концов, его жена все еще жива, наверное, она и унаследует имущество, – предположил легкомысленно Логунов.

– Но ведь ее обвиняют в убийстве мужа! Разве она может быть наследницей? – недоуменно спросила девушка, сетуя в душе на собственную юридическую безграмотность.

– Затрудняюсь сказать, Женечка. Мне, как человеку холостому и бездетному, эти мысли в голову до сих пор не приходили. – И он снова принялся обольщать свою чрезмерно любопытную, непоседливую даму.

Вечер закончился долгим, страстным поцелуем, от которого у Жени ноги подкосились. Конечно, Логунов предпринял все возможное, чтобы заманить Женю к себе. Безуспешно. Тогда он попытался напроситься к ней на чай, кофе, душевную беседу, но готовая к подобному повороту событий Женя и тут не повелась на отработанные до совершенства приемы обольщения заядлого сердцеда и отделалась минимальными потерями. Хотя ей и стоило титанических усилий прервать умопомрачительный в прямом и переносном смысле поцелуй и вырваться из объятий коварного искуателя. А потом она еще минут пять стояла, прислонившись к стене в своем подъезде, не в силах шевельнуть не единым мускулом и буквально плаваясь от одних только воспоминаний о произошедшем.

А потому, когда в ее кармане раздался дребезжащий сигнал вибровызова, она автоматически достала смартфон и так же по инерции сказала «Алло».

– Женька, ну наконец-то, весь вечер до тебя дозвониться не могу! – послышался из динамика укоризненный голос Лизы.

– А, это ты? – протянула Женя и все в том же расслабленном забытии отключила связь.

Спустя секунду телефон снова завибрировал, и на этот раз Женя смогла кое-как собраться и уже ответила на звонок почти что осознанно.

– Женя! Женя! Ты что все время пропадаешь? – взволнованно кричала в трубку Лиза. – Я тебе весь вечер звоню.

– У меня телефон был отключен, – отлипая от стены и начиная подъем к себе в квартиру, проговорила Женя. – У меня важная встреча была.

– А, – успокоилась Лиза. – Я звоню сказать, что мы уже обо всем договорились, ресторан заказан, так что в субботу в семь часов изволь быть при полном параде! Ты в чем пойдешь?

– Куда? – все еще рассеянно спросила журналистка.

– С Платоном знакомиться! – немного испуганно и оттого нервно напомнила Лиза.

– А-а. Слушай, Лиз, я сейчас еще не дома, мне говорить неудобно. Давай завтра, – сообразила, наконец, предложить Женя и отключилась, не дожидаясь ответа подруги.

Глава 7

– Итак, что мы имеем, – рассуждала Женя, сидя на кухне за чашкой утреннего кофе. Сегодня мысли ее были ясными, настроение приподнятым, а деятельная натура и пытливый ум требовали немедленных практических действий.

Во-первых, сам Александр Логунов. Сегодня Жене отчего-то было комфортней называть его по имени. Наверное, для краткости, но уж точно в этом желании не было ничего личного. Она было облизнула губы и начала вспоминать их вчерашнее прощание, но тут же одернула себя и вернулась к делам.

Логунов бывший фехтовальщик, а значит, холодное оружие, резкие выпады и склонность к нападению у него на подкорке записаны. Что ему делить с Кольцовым? Должность, любовницу, – кстати, он так и не раскололся на сей предмет. Что говорит не в его пользу. Убивать, скорее всего, не собирался. Хотел выяснить отношения, повздорили, он вспылил, а дальше сработал рефлекс. Боксер производит хук правой, борец бросается врукопашную, артист расцарапывает лицо, а фехтовальщик схватился за клинок. Звучит логично и правдоподобно, удовлетворенно подвела черту Женя под первой версией.

Версия вторая. Неизвестный пока наследник. Тут убийство было наверняка продуманным и хорошо подготовленным. Потому как в его результате ликвидировался не только Кольцов, но и главная наследница, Марина. Она же превращалась в козла отпущения. Этот вариант сложнее, тоньше, а потому, вероятно, правдоподобнее. Хотя не факт.

Версия третья. Любовница.

«А что любовница? Любовница как раз ни при чем. Она при жизни Кольцова была в шоколаде, а с его смертью теряла все», – наливая себе еще кофе и плюхая туда две ложки сахара и большую ложку взбитых сливок, размышляла Женя. Девушка любила поесть и не переживала за фигуру, потому как была патологически худощава, что неизменно являлось предметом зависти всех ее знакомых.

Хотя, если предположить, что Кольцов вдруг передумал разводиться и решил вернуться к жене, мотивы у дамочки появляются. Но вот где доказательства, что он передумал? Надо звонить Марининым родителям. Заодно выяснить, как называется клиника Кольцова, и смотаться туда. Вдруг в клинике еще парочка мотивчиков для убийства обнаружится.

Позвонить Женя не успела, ожил ее мобильник.

– Евгения Викторовна, – прозвучал в трубке настойчивый взволнованный голос, – это Илья, сосед Марины Кольцовой. Вы обещали мне перезвонить и не перезвонили, и вчера целый день на звонки не отвечали. – В голосе мальчика звучали обиженные укоризненные нотки.

Женя улыбнулась, тронутая такой преданностью и горячностью. Славный мальчик. Но сообщить ей ему было, увы, нечего.

– Здравствуй, Илья. Я действительно не перезвонила, и вчера у меня был отключен телефон. Я сутки напролет занимаюсь Марининым делом. К тому же у нас были проблемы с адвокатом, – решила сообщить взволнованному подростку что-нибудь безобидное Женя.

– С адвокатом? – тут же встревожился Илья.

– Да. Но не волнуйся, все уже улажено. И кстати, сейчас у меня важная встреча по нашему делу. Так что извини, говорить опять не могу. Но зато честно обещаю сегодня вечером перезвонить, – серьезным, взрослым голосом пообещала Женя. – Все, пока. – И она отключилась.

Уф. Надо ведь еще с адвокатом встретиться и выяснить, наконец, что там с Марининым алиби. И Женя, сделав еще одну пометку, набрала номер Галины Тимофеевны.

– Ой, Евгения Викторовна, спасибо вам огромное! Мы были вчера у адвоката, такой энергичный, знающий, и не стал нам сразу с порога, как тот другой, говорить, что дочь наша виновна, надо думать, как приговор смягчить. Нет. Сказал, что должен внимательно с делом ознакомиться, с Мариной встретиться, со следователем переговорить. Очень серьезный и вдумчивый молодой человек. К тому же у него не как в той адвокатской фирме, у него контора маленькая, а людей много. И звонят ему постоянно. Видимо, очень востребованный, – делилась своими впечатлениями Галина Тимофеевна.

Женя согласно кивала, размышляя, насколько хорошо, когда адвокат столь загружен, и насколько деловитая видимость оправдывает их ожидания. Но на этот раз остереглась высказывать вслух собственные мысли, а только попросила позвонить адвокату и предупредить его о своем возможном визите. Галина Тимофеевна тут же бросилась исполнять просьбу.

Что лучше предпринять, размышляла Женя, отправиться в клинику или заняться персонею Логунова? Но от размышлений ее оторвал звонок Галины Тимофеевны.

– Владимир Александрович просил ему ближе к вечеру звонить, раньше он встретиться не сможет, а еще лучше завтра. Сегодня договориться и завтра встретиться, чтобы он мог как следует с делом поработать.

– Хорошо. Я обязательно позвоню ему. А я вот что хотела у вас попросить, вы не могли бы мне дать телефоны Марининых подруг, хочу встретиться с ними, вдруг удастся узнать что-то полезное. Знаете, как бывает, иногда какая-то мелочь все дело решает, – тоном эксперта проговорила Женя, предупреждая возможные вопросы и возражения, но Галина Тимофеевна ни спорить, ни возражать не собиралась.

– Конечно, конечно. Но знаете, как-то так получилось, что у Мариночки из подруг в последнее время только Вика осталась, а остальные девочки словно исчезли. Конечно, они изредка перезванивались и с днем рождения друг друга поздравляли, но вот насколько я знаю, тесную дружбу она только с Викторией поддерживала, хотя Вика и старше Мариночки.

– А вы не могли бы поподробнее о ней рассказать? – попросила Женя, чтобы иметь примерное представление о том, с кем придется иметь дело.

– Конечно. Они на отдыхе познакомилась. Лет пять назад. Или четыре года? – постаралась припомнить Галина Тимофеевна. – Мариночка в тот год на Кипре отдыхала, Сережа не смог поехать из-за работы. Вот на Кипре они и познакомилась. Кстати, Вика регулярно звонит нам, очень переживает за Мариночку, все время спрашивает, не надо ли помочь, даже деньги предлагала, – прочувствованно отметила Галина Тимофеевна. – Виктория очень приятная, образованная молодая женщина. Совершенно самостоятельная. Когда-то она была замужем, но, кажется, развелась.

– А чем она занимается?

– У Вики собственный бизнес. Вот какой, точно не скажу. По-моему, она занимается поставками косметики. Мариночка говорила, да я не очень внимательно слушала, – огорченно произнесла Галина Тимофеевна.

– Ничего. По большому счету, я спрашиваю из чистого любопытства. Просто, чтобы иметь представление о человеке, – успокоила ее Женя и попрощалась.

Но только повесила трубку, как тут же вспомнила о родственниках Кольцова, потенциальных наследниках. Перезванивать она постеснялась, а просто написала себе записку и положила посередине стола: «родственники Кольцова!!!». Вернусь домой, позвоню, пообещала себе Женя.

«Что ж. Начнем с простейшего. С клиники».

Приступить к делу она не успела, отвлек телефонный звонок.

– Евгения! – тут же понеслось из динамика, едва она успела поднести телефон к уху. – Что это за хамство? Ты кем себя вообразила? Малаховым? Ургантом? Так и те, знаешь ли, трудятся! Когда ты последний раз была на службе? У тебя через две недели эфир!

– Через три.

– Ты что решила, что передача сама подготовится и сюжет сам к тебе на тарелочке прибежит? – вопил не своим голосом главный редактор.

Женя лишь сочувственно покачала головой и отложила трубку в сторонку. Пусть себе оторется. Очевидно, с утра Тенгиз Карпович ознакомился с очередным финансовым отчетом. Подобное времяпрепровождение начальства всегда заканчивалось для подчиненных повальной головомойкой, причем начинать он предпочитал с ближнего круга и плавно спускался к техническому персоналу, уборщицам и вахтершам. При этом со свойственной его арийским предкам скрупулезностью и добросовестностью не забывал никого.

Женя отложила телефон в сторонку, и пока Трупп надрывался, испытывая силу собственных легких, намазала себе бутерброд паштетом, тщательно его пережевала, запила кофе, и лишь убедившись, что боевой начальственный запал иссяк, снова взяла трубку.

– Тенгиз Карпович, я, между прочим, в одиночку расследую скандальное убийство, пока остальная группа по моему заданию готовит менее значительные сюжеты, на случай непредвиденных обстоятельств. В убийстве замешаны владельцы крупного фармацевтического предприятия. Тут вам и недобросовестная работа следственных органов, и продажные адвокаты, и грязное белье, любовницы, пластические хирурги, и жертвы полицейского произвола, – врала без зазрения совести Женя, прекрасно понимая, что в данный момент душа Тенгиза Карповича жаждет чуда, обещания доброй феи, что завтра он проснется поутру и узнает, что его телеканал побил все рейтинги, взлетел на недостижимые финансовые высоты, обзаведясь спонсорами не слабее Газпрома.

– Да? – недоверчиво уточнил оттаявший Трупп и уже мягко, почти любовно закончил: – Ну, что же ты молчала, хоть бы намекнула, что у тебя работа идет. Ладно, трудись, если нужна помощь или юридическая поддержка, сразу звони.

– Нужна, – ухватилась за предложенную возможность Женя. – Мне нужны люди, лично знакомые с владельцем или руководством «Клиники доктора Кольцова». Пластическая хирургия, – уточнила она.

– Кольцова? Никогда не слыхал, – озадачился Трупп. – Но ты не волнуйся. Работай. Мы все найдем, – заверил ее Тенгиз Карпович и отключился.

Вот и чудненько. Пусть ищет, а она, пожалуй, отправится на разведку боем. И Женя, облачившись в элегантный брючный костюм, подобающий звезде голубого экрана, двинулась в клинику.

Володя Скрябин сидел у себя в кабинете в одной рубашке с закатанными рукавами за заваленным папками и бумагами столом и устало поводил плечами, стараясь размять затекшие мышцы, пиджак его висел на спинке кресла, а галстук валялся на столе среди бумаг. Костюмы Володя не любил и, если бы не судебные заседания, вообще бы их не носил. Но носить приходилось. Володя был хоть и молодым, но очень способным и востребованным адвокатом. Он не гонялся за элитными клиентами, у него не было сумасшедших гонораров, он не вел судебные шоу на телевидении, но клиентов у него было предостаточно. Потому что Володя был умен, добросовестен, въедлив, предприимчив и энергичен.

Дела он вел в основном связанные с тяжкими преступлениями, клиентов у него было немало, иногда он даже не всех мог взять, из-за катастрофической загруженности. Вот и Кольцову эту взял только потому, что ее родители на Курочкина сослались, а начальнику районного следственного отдела отказать нельзя. Откажешь, потом ни один следователь с тобой разговаривать не захочет, и придется идти в Жилкомсервис работать, иски недобросовестным плательщикам рассылать. Володя тяжело вздохнул и развернулся к окну.

За окном в маленьком запущенном дворике благоухала персидская сирень, и ее запах струился в кабинет сквозь приоткрытое окошко.

– Эх, жизнь моя жестянка, – протянул тоскливо Володя, закидывая руки за голову и откидываясь в кресле. Сейчас бы бросить все на фиг и за город смотаться. Или хотя бы поужинать, тоскливо подумал он, услышав, как желудок его завел протяжную голодную песню. Лицо у Володи от усталости было серовато-желтым, несмотря на молодой возраст, был он худощавый, высокий и подвижный, а потому сидение в кабинете страшно его тяготило.

Еще раз взглянув на заваленный бумагами стол, Володя поднялся, взял пиджак и уже твердо решил плюнуть на все и ехать домой ужинать, когда планы его нарушил телефонный звонок. Поговорить, конечно, можно и на ходу, но вдруг что-то важное, подумал он и уселся на место, бросив пиджак на колени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.